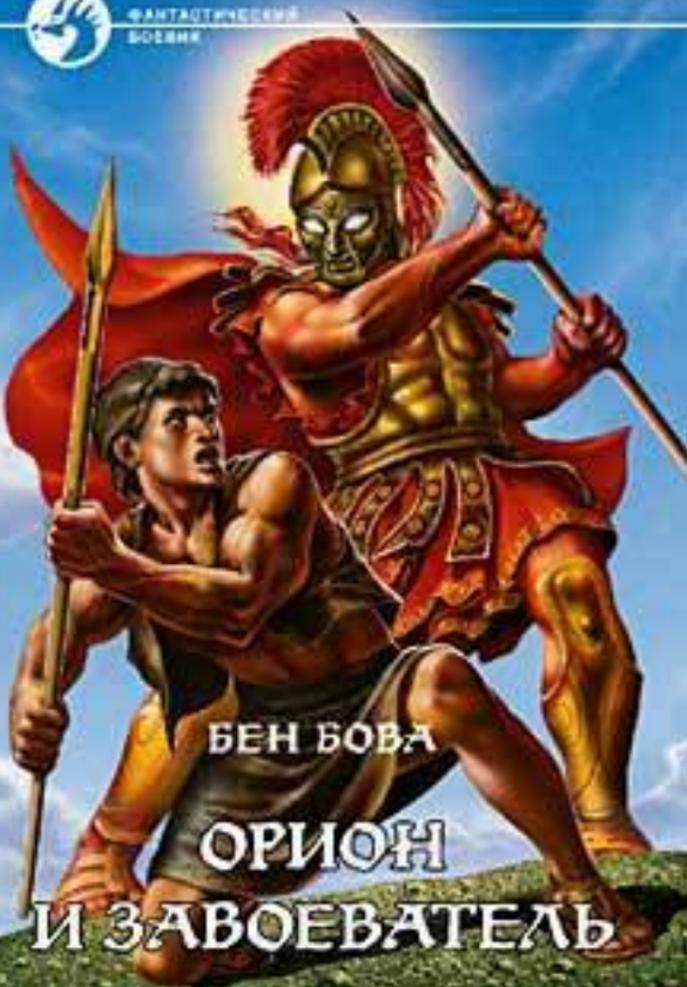

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
БОЕМЫ

БЕН БОВА

ОРИОН
И ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Бен Бова
Орион и завоеватель
Серия «Орион», книга 4

OCR & spellcheck by HarryFan
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160173

Орион и завоеватель: Армада; 1996

ISBN 5-7632-0214-7

Оригинал: BenBova, "Orion and the Conqueror"

Перевод:

Юрий Р. Соколов

Аннотация

В четвертом романе об Орионе читатель вновь встретится с полюбившимися ему героями. Орион Охотник – вечный борец за спасение мироздания – вновь путешествует во времени. Он оказывается то в Древней Греции, то в Персии, то переносится на гору Арарат, то в фантастическое царство творцов. Всюду герой попадает в критические ситуации, противостоит могущественным творцам, погибает бесчисленное количество раз, вновь и вновь, подобно Фениксу, возрождаясь из пепла. Ведь ему необходимо отыскать свою любимую – богиню Аню...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
1	9
2	18
3	25
4	37
5	47
6	60
7	74
8	84
9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Бен Бова

Орион и завоеватель

Майклу, Мишель, Майклу, Линдси и Хейли

*Как мухам дети в шутку, нам боги любят
крылья обрывать.*

У.Шекспир. Король Лир

Пролог

Вернувшись в не знающий времени город под золотистым силовым куполом, Аня залечила мои раны – и телесные, и духовные. Творцы оставили нас одних среди пустынного города-мавзолея, одних среди храмов и памятников, возведенных творцами самим себе.

Мои ожоги заживали быстро, но мысль о пропасти, разделившей нас после притворного предательства Ани, не переставала терзать меня. Я понимал, что она вынуждена была делать вид, будто бросила меня на произвол судьбы, иначе Сетх, зондируя мое сознание, непременно обнаружил бы, что она готовит ему засаду. Однако боль все равно не проходила, ужасное воспоминание о бездонной муке крайнего одиночества по-прежнему приносило мне страдания. Вместе с тем дни шли за днями, и наша взаимная любовь мало-по-

малу перекинула мостик через ужасную пропасть.

Мы с Аней стояли на окраине города, перед грандиозной пирамидой Хеопса, торжественно сиявшей ослепительной белизной полированного известняка в свете утреннего солнца – великий глаз Амона только-только начал сиять, сверкая все больше по мере того, как дневное светило поднималось по небосклону.

Меня томило беспокойство. Хотя в наше распоряжение предоставили целый город, я никак не мог отделаться от неприятного чувства, что мы не одни. Пусть остальные творцы разлетелись по вселенным, стремясь спасти пространственно-временной континуум от разрушения, ими же самими и вызванного – пусть и непроизвольно, – я никак не мог отделаться от тягостного покалывания в затылке, свидетельствовавшего о том, что за нами наблюдают.

– По-моему, здесь ты чувствуешь себя несчастным, – заметила Аня, неспешно шагая вдоль основания колоссальной пирамиды.

Я не мог не признать, что она права:

– В лесах Рая было намного лучше.

– Да, – согласилась Аня. – Мне тоже там нравилось, хотя тогда я этого не ценила.

– Можно отправиться обратно.

– Ты этого желаешь?

Не успел я ответить, как перед нами появился мерцающий золотой шар. Несколько секунд повисев над полированными

ми каменными плитами, которые образовывали дорожку вокруг пирамиды, шар коснулся их и принял человеческий облик, оказавшись Атоном, облаченным в великолепные латы из листового золота с высоким стоячим воротником и эполетами, украшенными изображениями лучистых солнц.

– Да неужели ты возмечтал об уходе на покой, Орион? – изрек он чуть менее насмешливо, нежели обычно. Однако в улыбке его было больше издевки, чем человеческого тепла. И, повернувшись к Ане, добавил: – А ты, дражайшая соратница, имеешь обязанности, от которых не можешь уклониться.

– Я не твоя "дражайшая соратница", Атон! – Аня подошла ближе ко мне. – А если мы с Орионом хотим немного побыть наедине в иной эре, тебе-то что?

– Есть неплохая работа. – Улыбка Золотого померкла, тон стал серьезным.

Я понял, что он завидует – завидует нашей с Аней взаимной любви.

Прежний высокомерный цинизм тотчас же вернулся к Атону, и он приподнял золотистую бровь, воззрившись на меня.

– Завидую? – Он прочитал мои мысли. – Да как бог может завидовать своему собственному творению? Не болтай глупостей, Орион!

– Неужели я мало для вас сделал?! – зарычал я. – Неужели не заслужил отдыха?

– Нет, нет и нет! Мои собраты творцы твердят мне, что ты почти сравнялся с нами в могуществе и мудрости. Они поздравляют меня с созданием столь полезной... творения.

Он хотел сказать «куклы», но, заметив мои сжавшиеся кулаки, прикусил язык.

– Ладно, Орион, – продолжил Атон, – раз ты собираешься присвоить божественные полномочия, то должен быть готов взвалить на себя и ответственность наравне с остальными.

– Ты же говорил, что я твое создание, орудие, которым ты можешь пользоваться по собственному разумению.

Бросив взгляд на Аню, он пожал плечами.

– Что так, что этак, все едино. Либо выполняй свой долг, как остальные, либо подчиняйся моим приказам. Выбирай сам.

– Ты имеешь право отказать ему, любимый. – Аня положила ладонь мне на плечо. – Ты честно заслужил это.

– Может, так оно и есть, – ухмыльнулся Атон. – Да только *ты*, богиня, не можешь уклониться от исполнения своего долга. Впрочем, как и я.

– Континуум может немного существовать и без меня, – почти столь же высокомерно, как и Атон, бросила Аня.

– Нет, не может. – Он вдруг стал безмерно серьезен. – Кризис вполне реален и неотвратим. Конфликт охватил множество звездных систем и уже грозит всей Галактике.

Аня побледнела, обратив свои бездонные серые глаза ко мне. В них стояла настоящая мука.

Я понимал, что мы можем ускользнуть в Рай, если пожелаем. Разве несколько дней, лет или даже веков, проведенных в иной эпохе, могут играть какую-нибудь роль для существ, способных управлять временем? Мы в любой момент можем вернуться в эту точку пространственно-временного вектора, именно к этой развилке в континууме. Кризис, пугавший Атона, может подождать.

Но разве мы сможем насладиться счастьем, зная, что время нашего пребывания в Раю ограничено? Даже если мы проведем там тысячу лет, предстоявшая задача будет грозной тенью маячить над нами, будто разверзшаяся впереди пропасть, будто нависший над головой дамоклов меч.

Не успела Аня ответить, как я сказал:

– Ну что ж, Раю придется подождать, не так ли?

– Да, любимый, – печально проговорила она и кивнула: – Раю придется подождать.

Часть первая

Наемник

Война есть акт насилия, предназначенный, чтобы заставить противника выполнить нашу волю... Война это всего лишь продолжение политики другими средствами.
Карл фон Клаузевиц. О войне

1

Поступь их была подобна поступи гиганта – десять тысяч мужчин маршировали в едином ритме, воздух и земля содрогались под стопами воинов.

Они приближались. Тяжелые длинные сарисы¹ первого ряда уже были направлены в наши лица, следующие еще вздымались над головами солдат, словно к нам приближался лес копий.

– Стоять! – закричал командир нашей фаланги. – Пусть они тратят силы.

Мы расположились на вершине небольшого каменного холма. Утреннее солнце уже пекло, раскаляя небо так, что вверх было больно смотреть. На противоположной стороне

¹ копье длиной 6–8 м, находившееся на вооружении в древней Македонии

долины из скалистых холмов выросли стены осажденного города Перинфа. Мы пришли, чтобы снять осаду.

Я находился в конце десятого ряда нашей двенадцатирядной фаланги, и ничей щит не прикрывал мой правый бок. Военачальники, конечно, были впереди, только командиры последних четырех рядов находились слева. Я был выше едва ли не всех гоплитов и легко справлялся с двенадцатифутовым копьем. Но к нам приближалось войско, вооруженное шестнадцатифутовыми сарисами, и оно пользовалось репутацией непобедимого.

Как и всегда их правый фланг был сильнее, насчитывая полных шестнадцать рядов. Впрочем, войско противника, топавшее по голой земле, утонуло в поднятой им пыли. Позади фаланги, слева от нас, возле приземистых деревьев, на склоне расположилась их кавалерия; всадники на нервно переминавшихся с ноги на ногу конях ожидали приказа к выступлению. У нас не было конницы, и я опасался, что, как только начнется битва, гоплиты Перинфа обратятся в бегство, поставив нас под удар. Эти простые горожане наняли нас, чтобы защитить город. Я сомневался в том, что они сумеют выдержать натиск приближавшегося закаленного в битвах войска.

– Стоять, – повторил наш командир. Его бронзовый нагрудник и щит, покрытые вмятинами, потемнели от битв, а руки старого воина украшали многочисленные побелевшие шрамы. Диопейгес, предводитель нашего отряда наемников,

восседал позади фаланги на прекрасном белом скакуне, готовый бежать хоть до самых Афин в случае неудачи. Случайный человек на поле боя; едва ли ему доводилось со своими солдатами сражаться против хорошо обученного войска.

Я провел пальцем под ремнем, на котором держался мой шлем. Мокро... но не оттого, что день выдался жарким. Меня окружали опытные наемники, однако нас было слишком мало, а место битвы выбрал наш враг. Политиканы Перинфа умели выигрывать выборы, но войны – дело другое. Худшей их ошибкой было то, что они понадеялись на помощь Афин. Однако эти скупердяи даже не заплатили Диопейгесу; по крайней мере, так он говорил. И нам приходилось жить грабежами, что едва ли приводило в восторг перинфян, которых мы пришли защищать.

Расстояние между остриями копий обеих фаланг медленно сокращалось. Наш командир выступил вперед и взревел: – Приказываю – вперед!

Дружным шагом с левой ноги мы направились в сторону приближавшегося врага, опустив копья и надвинув шлемы. Замыкая ряд, я чувствовал себя в некотором смысле обнаженным – ничей щит не прикрывал мой правый бок, хотя я знал, что сумею позаботиться о себе, когда начнется сражение. Так шел я навстречу врагу, волнуясь, но не припоминая ни единой подробности о тех битвах, в которых сражался. Ничего вовсе. От удивления я сдвинул брови: память моя оказалась чиста, как у новорожденного младенца. Слов-

но бы я родился несколько часов назад, а потом взял оружие и встал в строй.

Но мне было не до размышлений. Из-за рядов приближавшейся фаланги выскочили застрельщики – пелтасты, забросавшие нас стрелами, камнями и короткими копьями. Кто-то вскрикнул и упал, пораженный стрелой в шею. Камень размером в кулак звякнул о мой щит. Пелтасты добивались, чтобы мы подняли щиты и разомкнули ряды. Тогда их фаланга сразу добилась бы успеха. Но нас учили не обращать внимания на застрельщиков и смыкать ряды над павшими. Это знал и я, только не мог вспомнить, когда и где выучился такому приему.

Их кавалерия, засевавшая в жидком леске, тронулась с места. Всадники не способны атаковатьдвигающуюся четким строем фалангу. Копья наши подобны иглам ежа, кони отвернут, как бы ни подгоняли их наездники. Но конница могла обойти нас с фланга и ударить в тыл. Ведь когда фаланга рассеяна, им остается только развлекаться, преследуя бегущих воинов. Нередко после битвы гибнет больше солдат, чем на поле сражения.

Застрельщики исчезли подобно докучливому насекомому, которыми, в сущности, и являлись. Отрезок каменистой почвы между нами и врагом быстро сокращался. Мы ускорили шаг... Они тоже. Взыли трубы с обеих сторон, мы закричали изо всех сил и перешли на бег. Обе фаланги столкнулись с громовым, полным жажды крови ревом, зазвенело и загро-

мыхало железо копий, пробивая твердую бронзу панцирей и пронзая мягкую плоть.

Все в мире вокруг меня, казалось, замедлилось, время растянулось упругой лентой. Воины теперь двигались неторопливо и плавно, словно бы под водой или в каком-то кровавом кошмаре. Впереди меня падали наши, сраженные шестнадцатифутовыми сарисами; копья пронзали их, сносили головы, просто сбивали с ног, мы же еще не доставали до вражеских воинов. Обе фаланги сшиблись, затаптывая павших. И задние все напирали, хотя первые ряды остановились. Трещали копья, воины ревели от боли и гнева, обуреваемые жаждой крови; под могучим натиском разлетались щиты.

Приподнявшись над стоявшими передо мной, я направил свое копье в одного из вражеских гоплитов. Заметив движение, он поднял свой щит, но я зацепил его наконечником, отбросил в сторону и вонзил острие в горло воина. На лице его промелькнуло удивление. Потом брызнула кровь. Когда убитый упал, я вырвал копье.

Наши передние ряды смялись под напором врага, вдруг оказавшегося передо мной; и я принялся пробиваться вперед через эту толпу, нанося удары копьем. Но поскольку я видел все в замедленном темпе, то успел заметить уголком глаза, как их застрельщики огибали наш правый фланг, засыпая его стрелами и короткими копьями.

Я увернулся от стрелы, полет которой казался невообра-

зимо медленным, а потом пронзил копьем щит, панцирь и тело гоплита, оказавшегося передо мной. Битва превращалась в хаос; вокруг вопили окровавленные воины. Наше войско смешалось, уже и мой ряд был уничтожен врагом. Тут я заметил, что в меня летит копьец. Оставив свое копье в теле падавшего воина, которого только что поразил, я отбил легкое древко в сторону и только потом выхватил меч, опередив двоих гоплитов, возникших передо мной. Они медленно, словно во сне, шевелили руками.

Я убил обоих, но уже приближались новые, и хотя мне казалось, что они все делают медленно – и колют, и рубят, и валят наземь щитами других воинов, – их приближение совершалось неотвратно, как прилив.

Врагов было слишком много, полководцы их знали свое дело и умели поддерживать порядок... Мы не могли победить их. Мои соратники-наемники бились отважно, но уступали врагам численностью. Никто не поворачивал, чтобы бежать, понимая, что труса ждет верная смерть. Но наш отряд уже отрезали от города Перинфа, точнее, от остатков их фаланги. Перинфян погнали через поле к деревьям, и они побежали. Конники, издавая пронзительные кличи, принялись беспощадно рубить тех, кто пытался спастись бегством. Вел конницу юноша, почти мальчишка; его золотые волосы вились по ветру, высоко подняв меч, он яростно преследовал беглецов, бросавших щиты и шлемы в надежде обрести спасение.

Нас оставалось всего лишь горстка, и мы отбивались, медленно отступая вверх по склону к деревьям. Наша фаланга разбилась на части, но воины продолжали сопротивляться. Для меня все вокруг по-прежнему двигались медленно, как мухи, попавшие в мед. Я предугадывал движения, которые собирались сделать мои враги, по тому, куда они переводили взгляд или напрягали те или иные группы мышц. Нырнув под одну из длинных сарис, я вогнал острие меча в грудь воина, закрытую кожаной курткой. Он взвыл, и я вырвал у него копьё из рук.

Тут я увидел, что остался один, и прижался спиной к дереву с сарисой в одной руке и мечом – в другой. Дюжина соблюдавших осторожность воинов окружила меня, глаза их пылали, залитая кровью броня алела; они следили за мной, ожидая, чтобы я открылся. Многие потеряли сарисы и остались только с мечами. Передо мной были ветераны. И они не собирались рисковать, имея дело с таким опасным противником, как я, – ведь я убил немало их воинов. И все же они не хотели упустить меня. Мне оставалось только постараться прихватить с собой на тот свет побольше врагов, прежде чем они убьют меня. Я заметил, что один из них подзывает к себе лучников. Этот и вовсе не хотел рисковать.

– Прекратить! – послышался зычный голос. Возле обступившего меня кольца воинов остановился всадник. Панцирь незнакомца украшала золотая филигрань, впрочем, теперь его припорошила пыль. Шлем всадника венчал белый плю-

маж из конского хвоста. Отстегнув нащечные пластины, он открыл лицо. Колючую черную бороду с одной стороны покрывала запекающаяся кровь. Потом я заметил, что глаз с этой же стороны лица он потерял очень давно. Под опавшим веком виднелась полоска белой мертвой плоти.

Это был явно один из полководцев. Воины чуть отступили от меня, но никто из них не опустил оружия. К нам приблизился другой военачальник, и я заметил, что оба ездят на могучих гнедых конях, не пользуясь ни стременами, ни седлами, лишь подложив под себя нечто вроде подушки из сложенных в несколько слоев одеял.

– Пусть живет, – сказал чернобородый. Некоторые из воинов выразили согласие. Обращаясь ко мне, он возвысил голос: – Мне нужны хорошие воины. Будешь ли ты служить в моем войске?

Я огляделся. Мои спутники уже мертвы либо были в плену. Выбора у меня не оставалось, к тому же он предлагал мне нечто лучшее, чем рабство или смерть.

Я не стал долго думать:

– Да!

Разнообразия ради мне захотелось оказаться на стороне победителя. Он откинул назад голову и расхохотался:

– Хорошо сказал. Как тебя зовут?

– Орион.

– Откуда ты?

Я открыл было рот, но сразу понял, что мне нечего отве-

чать. Из своей жизни я помнил только несколько последних часов.

– С севера, – уклончиво сказал я.

– Должно быть, из скифов, судя по росту. Их серые глаза я узнаю повсюду. Но где твоя борода? Почему ты бритый?

Я не имел об этом далее отдаленного представления.

– Борода позволяет врагу ухватить тебя за горло, – услышал я свой ответ будто со стороны.

Он подергал себя за густую бороду.

– Неужели? Ты рассуждаешь, как мой сын. – Потом он повернулся к одному из воинов, стоявших неподалеку. – Никос, возьми его в свой отряд. Учить его не потребуется, он и без того прекрасно владеет сарисой.

Ухмыльнувшись, он тронул коня шенкелями и рысью отправился прочь в сопровождении кого-то из военачальников.

Таким я впервые увидел Филиппа, царя Македонского. Золотоволосый юноша, который вел конницу, оказался его сыном. Звали его Александр.

2

В ту ночь мы остановились на поле боя, чтобы сжечь мертвых и отдохнуть после тяжелого дня. Никос, к моему удивлению, оказался фракийцем, а не македонцем.

– При моем отце мы совершали набеги в Македонию, угоняли их коней и скот, – рассказывал он мне возле потрескивавшего костра, набивая брюхо жареной бараниной. – Женщин тоже уводили, – добавил он, выразительно подмигнув.

Никос был не старше тридцати, его волосы все еще оставались темно-каштановыми и буйными, как дикая поросль. Черную бороду заливал бараний жир. Вокруг нашего костра расположилось больше десятка воинов; лекарь из далекого Коринфа обходил лагерь, накладывая мази и повязки на раны.

– А теперь ты служишь македонцам, – заметил я.

Никос глотнул из бурдюка вина, забрызгав бороду и грудь.

– Ей-богу, ты прав. Одноглазый старик изменил все. Стал царем и начал гонять нас как проклятых. И всех вокруг. Гонял нас летом, гонял зимой... Что для него непогода? И ни разу не проиграл ни одной битвы. Уж он-то знает, сколько нужно бобов, чтобы сварить похлебку... Он знает.

– Но ведь Филипп покорил твой народ, – пробормотал я.

Никос бурно возразил, замотав лохматой головой:

– Нет, не покорил. У нас есть собственный царь. Филипп

просто доказал, что выгоднее быть в союзе с Македонией, чем воевать с ним.

"Дипломат", – подумал я. И сразу понял, что Филипп проделал со мной сегодня такую же штуку.

– Теперь все племена нашей страны поддерживают македонцев, – продолжал Никос. – И Филипп осмелился бросить вызов Афинам.

Если Никоса и не радовала перспектива войны с Афинами, он ничем не показывал этого. Даже напротив, выглядел вполне довольным.

А потом он нагнулся ко мне и сказал негромким голосом:

– А знаешь, что я думаю?

Изо рта воина дурно пахло, и я заметил насекомых, копошившихся в его бороде.

– Что? – спросил я, пытаясь сохранить дистанцию, чтобы какая-нибудь блоха не перепрыгнула на меня.

– Я думаю, что все устроила она.

– Она?

– Ведьма, жена Филиппа.

– Неужели жена царя – ведьма?

Никос вновь понизил голос:

– Она жрица древней богини, поклоняется змеям и всякой нечисти. И еще – волшебница, вот так. А как иначе объяснить это? Когда Филипп согнал своего брата с трона, я уже был достаточно большим и помогал отцу пасти стадо. Тогда все племена, что окружали Македонию, отхватывали от нее

жирные куски. Не только мы, иллирийцы, но и пэонийцы, словом, все. Их грабили каждый год.

– И Филипп остановил набеги?

– Словно мановением своего единственного ока. А теперь все племена служат ему. Должно быть, наворожила его молосская сука, иначе не объяснишь.

Я смущенно посмотрел на других мужчин, сидевших вокруг костра.

Никос расхохотался.

– Не беспокойся. Я не могу сказать о ведьме ничего такого, чего не говорил бы сам одноглазый старик. Он ненавидит ее.

– Ненавидит свою жену?

Воины закивали, заухмылялись.

– Не будь она матерью его сына и наследника, царь давным-давно отослал бы ведьму назад в Эпир.

– Царь не посмеет сделать это, – возразил кто-то. – Он боится ее.

– Она умеет насылать чары.

– И никакие не чары: она травит людей.

– Травит, но не ядом, а магией.

– А что она сделала с другим сыном царя... с тем, что от фессалийки?

– С Арридайосом? С идиотом?

– Он был здоровым ребенком. Ведьма дала ему яд, и он стал слабоумным.

– А может, наколдовала, чтобы ее собственный сын стал наследником Филиппа, хотя Александр на два года моложе.

Мужи углубились в спор о том, является ли жена царя отравительницей или же, напротив, волшебницей.

Я слушал невнимательно. Окружавшие меня люди, свежие воспоминания о битве, прохладная темная ночь под черной чашей небес, украшенной бриллиантами звезд, – все казалось мне странным и новым. Ведь я не помнил своего прошлого до нынешнего утра. У всех здесь была семья, клан или племя; каждый мог назвать своего царя, обратиться к истории минувших поколений своего народа.

Но у меня... не было никаких воспоминаний. Люди называли имена богов, которые ничего не говорили мне, пока один из воинов не упомянул Афину, богиню-воительницу, покровительницу Афин.

– Эта богиня не только воительница, – говорил Никос. – Она богиня мудрости. По крайней мере, так полагают афиняне.

– Они правы, – сказал один из воинов. – Ведь это она подарила оливу этому городу, так ведь?

– И прялку.

Афина. Облик ее возник в моей памяти. Высокая, стройная и невероятно прекрасная, с пышными черными волосами и грустными глубокими серыми глазами.

– Все мы игрушки богов, – проговорил Никос. – Они держат за веревочки, а мы прыгаем.

– А я не верю в это, – сказал воин, сидевший возле него. – Я живу собственной жизнью, и никто не дергает меня за какие-то там веревочки.

"Нет, все мы исполняем волю богов", – подумал я, имея в виду главным образом самого себя. Я был в этом уверен. И все же чего именно боги ждут от меня? Кто я такой и почему здесь оказался? Я не находил ответа, и вестник богов не торопился просветить меня.

Огонь угасал, воины заворачивались в плащи или одеяла и укладывались на ночлег.

Но у меня не было ничего, кроме грязного и короткого, к тому же запятнанного кровью, хитона. Бронзовый панцирь, поножи и шлем я сложил на земле возле себя. Ощувив ночную прохладу, я замедлил периферийное кровообращение, увеличил частоту сокращений сердца, чтобы повысить температуру тела и таким образом согреться.

Я сделал это почти не думая. Но потом удивился своему умению управлять собственным телом. И тому, что во всех подробностях понимаю, что делаю. И еще я почему-то знал, что подобное выходит за пределы возможностей человека. В ужасном кровопролитном сражении я не получил даже царапины. Чужие движения казались мне замедленными, я всегда опережал своих противников.

"Кто я? – вопрошал я себя, укладываясь на твердую почву и закрывая глаза. – Откуда я родом?"

Несколько часов я, пытаясь заснуть, пролежал на спине,

разглядывал мерцающие звезды, величественно сиявшие надо мной. Я узнал оба ковша, Кассиопею на троне, а рядом дочь ее Андромеду, прикованную к скале, и Персей уже был возле нее. Мое собственное созвездие, Орион, оставалось за горизонтом. Но я видел, что звезды Гончих Псов горели сапфирами как раз над кромкой холмов.

Наконец я смежил веки, но спал ли я? Меня словно перенесли в иное место: в мир, далекий от поля битвы вблизи городских стен Перинфа.

"Это сон", – говорил я себе, не веря своим глазам. Я стоял на склоне холма, покрытого травой и усеянного дикими цветами, озаряемый теплым летним солнцем. Внизу подо мной разогретый воздух мерцал над изысканными башнями и величественными монументами, высившимися вдоль широких проспектов. За городом ослепительно голубело море, отливавшее зеленью в ярком солнечном свете. Волны, не зная устали, разбивались о белый песок. Жители или погибли, или покинули город, и все же он сохранил все свое величие. Я припомнил, что едва заметное дрожание воздуха показывает границу защитного купола, укрывавшего город тонким, как стенка мыльного пузыря, слоем чистой энергии.

Вся моя жизнь была связана с чудесным городом, я знал это с абсолютной уверенностью. И все же не мог вспомнить подробностей. Ничего, кроме уверенности в том, что жизнь моя началась здесь. Как любовь к женщине и богине, любившей меня, которая тоже имела отношение к заброшенному

мертвому городу. Попытавшись шагнуть, я обнаружил, что ноги не повинуются мне. Стоя на месте, я услышал дальний, слабый, едва различимый смех. Но он был так горек, что я подумал: уж не плач ли до меня доносится?..

"Смех умирающего от горя человека" – так подумалось мне; впрочем, я не знал, с человеческих ли уст слетали эти звуки.

Собрав все силы, я попытался вырваться из оков, что держали меня на месте, и спуститься вниз по склону к городу... и проснулся на лишенной травы каменистой почве, на поле вчерашнего боя возле Перинфа, под первыми лучами солнца, блеснувшими над горбами холмов.

"Кто я? – гремело в моем сознании, и отголоском звенел вопрос: – Почему я здесь оказался?"

3

Наутро мы отправились к Перинфу, возле стен которого стояли основные силы Филиппа. Увы, царю хватило небольшой части своей армии, чтобы победить наемников. Большая часть македонского войска осаждала Перинф, другая же быстро приближалась к Бизантиону, расположенному на берегу узкого пролива, отделявшего Европу от Азии.

Казалось, что взять штурмом город Перинф не сложно. Укрывшийся за стенами и городскими воротами, он казался мне маленьким и тесным. Неровные и грубые стены имели башни с бойницами возле обоих ворот. Лишь немногие строения виднелись из-за городской стены. Город ютился на краю воды, где каменистая равнина, опускавшаяся от далеких гор, погружалась в Пропонтиду,² море, раскинувшееся между проливами Геллеспонт и Боспор.

И все же нечто в облике этого города казалось мне знакомым. Но всякий раз, пытаясь оживить мои воспоминания, я наталкивался в своей памяти на ровную стену, куда более прочную, чем твердыня Перинфа.

Лагерь Филипп разбил на лишенной растительности равнине, почти на расстоянии полета стрелы от городской стены. Я сразу почувствовал напряженность: среди воинов ощущалось тревожное недовольство, то раздражение, которое

² Мраморное море

возникает, когда бойцы слишком долго сидят на одном месте, лишённые удобств привычного лагеря, и не надеются в скором времени вернуться туда.

Осада затянулась. Перинф был морским портом, и поэтому жители могли отсиживаться за закрытыми воротами и упрямо отражать нападения македонцев, пока корабли доставляли осажденным припасы, а иногда даже подкрепления от союзников Афин, например из Бизантиона. Филипп, полный хозяин суши, не имел флота. Перинфяне проявили чистое безумие, понадеявшись снять осаду с помощью той горстки наемников, которую им прислали Афины. Филипп мгновенно разделался с малочисленным войском, но, хотя битва закончилась, город оставался в осаде, упрямо не желая отворять ворота.

Лошади поднимали облака пыли над своими загонами и, казалось, проявляли больше активности, чем воины. В лагере мы повсюду видели шатавшихся без дела солдат. Македонцы провели здесь уже достаточно времени, чтобы построить для себя бревенчатые избушки и протоптать между ними дорожки. Ржали нагруженные припасами и дровами мулы, которых вели мимо нас рабы.

Делом занимались лишь мастера; переругиваясь, они возились с массивной катапультай и покрикивали на группу обнаженных до пояса рабов, грузивших на нее тяжелый железный брус. Еще одна группа полунагих рабов сидела, ожидая, когда им прикажут подгонять мулов. Так натягивали

толстые веревки, отводившие рычаг от катапульты.

Я заметил, что на снаряде-болванке кто-то нацарапал слова "От Филиппа".

С грохотом ударила другая катапульта. Повернувшись, я заметил, как посланный ею снаряд, вращаясь, высоко взмыл в воздух. Перелетев стену, он исчез за ней. Вновь слышался грохот. Кто-то закричал, истошный женский визг пронзил воздух, а над стеной поднялось облако пыли, темным пятном замаравшее чистое небо. От Филиппа...

Троя. Я вспомнил название города и другую осаду. Она закончилась давным-давно. Троя. Был ли я там? Или просто слышал сказки о ней? Я положил руку на бедро и ощутил рукоятку кинжала, который был привязан к моей ноге под хитоном. Какое отношение имеет это оружие к неясным воспоминаниям о Трое?

Никос повел нашу фалангу в относительно свободную часть лагеря, подальше от вонючих загонов. Было ясно, что войско Филиппа много больше, чем могли бы выставить одни македоняне. Царь собрал здесь войска всех союзных племен, в том числе и фракийцев Никоса, но тем не менее принимал еще и наемников.

– Погляди-ка на эти золоченые лилии! – Никос ткнул меня локтем под ребра, когда мы снимали наше оружие с мулов, доставивших его в лагерь.

Я взглянул в ту сторону, куда он указывал. Целый отряд воинов в одинаковых полированных панцирях и шлемах из

блестящей бронзы выстроился стройными рядами, их строго разглядывали трое военачальников. Кованая броня на груди солдат повторяла линии, обрисовывавшие могучие мышцы. Шлемы их венчали выкрашенные в красный цвет конские хвосты. Доспехи так и блестели под солнцем.

– Аргивяне, – сказал Никос. – Свежее мясо из Пелопоннеса.

– Новые наемники? – спросил я.

Он кивнул и плюнул на пыльную землю.

– Сам погляди. Видишь, как разоделись? Да они и не воевали ни разу, только выхаживали на парадах и слушали горделивые басни о подвигах предков. Должно быть, решили, что перинфяне попадают в обморок, завидев такое великолепие.

Бросив взгляд на свою собственную броню, помятую, исцарапанную и покрытую пылью, я расхохотался. А потом удивился: подобное вооружение все равно стоило достаточно дорого. Где я получил этот панцирь? И в каких битвах сражался, где так погнул и поцарапал его? Откуда же я?

Филипп и его полководцы явно понимали, что войско, которому нечего делать, начинает разлагаться. И мы каждый день упражнялись, отрабатывали передвижения в тесном строю фаланги, пока наконец любой из нас не научился владеть шестнадцатифутовой сарисой, как суповой ложкой. Наемники развлекались и осмеивали нас, мы же, македонская фаланга, маршировали, маневрировали и выслушивали

выговоры от начальников.

Пыль и грязь сопровождали бесконечные учения. Но я теперь понимал, почему военная машина Филиппа прокрутила мою фалангу наемников, словно мясорубка. И я, не жалуясь, маршировал со всеми, не обращая внимания на насмешки наемников.

Горцы в основном не служили гоплитами в фаланге, они были пелтастами – лучниками, пращниками или метателями копий. Легкая пехота затевала битву, появляясь перед тяжелооруженной фалангой, и разбегалась по сторонам, когда сходились гоплиты. Наемники все были гоплитами, тяжелой пехотой.

– Наша земля теперь просто поставляет наемников, – сказал мне Никос. – Любой бедный парень, который хочет стать кем-то, отправляется воевать. Теперь каждый город содержит пехоту. Кроме Афин, конечно.

– А кого же содержат в Афинах? – спросил я.

– Болтунов-законников. – Он снова плюнул.

Кое-кто вокруг нас захохотал. Я промолчал.

Вокруг заспорили о том, чьи воины лучше. Иные полагали, что спартанские; однако все сошлись на том, что фиванские пользуются лучшей репутацией.

– Особенно их Священный отряд, – сказал один из мужей.

– Но Священный отряд – это не наемники, – указал Никос. – Они воюют только за Фивы.

– Но как никто другой!

– Они же любовники... Каждый мужчина в Священном отряде имеет пару.

– Философы утверждают, что лучше всех воюют любовники, сражающиеся рядом. Они всегда заботятся друг о друге.

– Плевал я на таких философов. Священный отряд – лучшее войско в мире.

– Лучше, чем мы?

– Лучше.

– Но наш полководец лучше!

– Они не наемники. И мы не воюем против Фив, а значит, нам незачем думать о них.

– Но Фивы поставляют множество наемников. Даже Царь Царей в Азии нанимает фиванцев.

– Что за Царь Царей? – спросил я.

Никос удивленно поглядел на меня.

– Персидский царь, – проговорил он. – Неужели ты ничего не слышал о нем?

Я лишь покачал головой.

Никос не доверял вновь прибывшим аргивянам. Называл их красавчиками, которым нечего делать в настоящем сражении. Те же расхаживали по лагерю с таким видом, словно являются потомками самого Ахиллеса, и осмеивали наши постоянные упражнения.

– Ну почему царь не пошлет их на приступ? – бурчал Никос. – Тогда бы мы увидели, на что они годятся.

Но Филипп явно не имел намерений атаковать городскую стену. Армия стояла под ней и занималась учениями – в город каждый день разве что бросали по несколько снарядов. Перинфяне были уверены в себе и приветствовали каждый корабль, входивший в защищенную стенами гавань.

Наша фаланга разместилась на постой неподалеку от надменных аргивян, и между нами часто происходили стычки. Наверное, не будь у нас общего врага, мы сражались бы друг с другом. Почти каждую ночь случались ссоры и драки. Начальники с обеих сторон строго наказывали виновных. Однажды утром сам Никос получил десять ударов кнутом. Мы стояли навтыяжку и наблюдали за поркой.

Один из полководцев Филиппа, по имени Парменион, пригрозил, что лишит нас вина, если мы не исправимся.

– Посмотрим, останетесь ли вы задирами, если будете пить только воду, – ворчал он. Поговаривали, что и сам Парменион – любитель вина. Выпивохой он был и с виду: оплывший и краснолицый, с усеивавшими его щеки и припухший нос лопнувшими кровеносными сосудами.

Конечно, аргивян наказывали их собственные начальники, но нам казалось, что с ними обходятся гораздо мягче, чем с нами.

Я старался не ввязываться в ссоры. Хотя я не помнил подробностей, но тем не менее знал, что подобная армия едва не погибла из-за конфликта между вождями. Быть может, это случилось в Трое?

Наконец настала ночь, и все переменялось.

– А где находится Троя? – спросил я у Никоса, когда мы улеглись на одеялах перед вечерним костром.

Он нахмурил лоб:

– Кто знает? Быть может, это всего лишь рассказы.

– Нет, – сказал один из воинов. – Она на другой стороне

Геллеспонта.

– Город еще стоит? А я думал, его сожгли дотла.

– Так оно и было.

– Откуда ты знаешь? Троя ведь существовала так давно...

– Во времена героев.

– Героев? – переспросил я.

– Подобных Ахиллесу, Одиссею и Агамемнону.

Одиссей. Это имя звоном колокольчика отозвалось в моей памяти. Не он ли дал мне тот кинжал, что привязан к моему бедру?

– Что вы, конокрады, знаете об Агамемноне! – завопил один из аргивян, стоявший на расстоянии полета камня от нашего костра.

– В Трое он был одним из ахейских вождей, – отвечал я.

– Он был аргивянин, – проговорил наемник, вступая в круг света, – и царь Микен. Не какой-нибудь заляпаный навозом мужик, как вы, горцы.

Я вскочил на ноги. Панцирь на рослом аргивянце повторял абрис его мышц, короткий меч висел на его бедре, однако я был выше на полголовы и шире в плечах.

– А я из дома Одиссея, – отвечал я, забывшись, – и помню это.

Челюсть его отвисла, потом он расхохотался и упер кулаки в бедра.

– Скиф, наверное, тебя ударили по голове, и ты свихнулся.

Я удивился. Откуда он знает, что меня считают здесь скифом?

Возле первого появился другой аргивянин. Он тоже был вооружен. Никос и несколько других воинов из моего отряда вскочили на ноги.

– Одиссей мертв уже тысячу лет, – сказал второй аргивянин с наглой усмешкой, кривя заросшую бородой физиономию. – Если он вообще когда-нибудь существовал.

– Он жил на свете, – сказал я. – И я говорил с ним.

– В Трое, должно быть. – Оба захохотали, глядя на меня. Потом второй подошел поближе и заглянул мне в лицо. Этот был ростом едва мне до плеча. – Ты безумен, – сказал он.

– Нет, он царь лжецов, – возразил первый аргивянин.

Я почувствовал, как напряглись Никос и другие воины за моей спиной.

– Нет же, вот погляди, – сказал я, доставая кинжал, – его подарил мне сам Одиссей...

Аргивянин отпрыгнул назад и выхватил из ножен меч.

– Решил зарезать меня?!

– Нет, я...

Он бросился на меня. Отбив меч кинжалом, я левой рукой

ударил его в челюсть. Аргивянин рухнул, как убитый бык.

Весь лагерь словно взорвался; вокруг дрались, кусались, лягались, боролись. Я стоял среди словно взбесившихся воинов с кинжалом в руке, а вокруг меня бушевала рукопашная. Ошеломленный, я отступил от костра.

"Хорошо, хоть никто не применяет оружия", – подумал я. Тот аргивянин, который взялся за меч, еще лежал без сознания возле костра.

Закричали начальники. Я убрал кинжал и кинулся в гущу дравшихся, пытаюсь разнять их.

На гнедом коне подъехал Филипп, с непокрытой головой и без панциря, его единственный глаз горел гневом.

– Прекратите немедленно! – взревел он.

Мы остановились, покоряясь властности, которая звучала в его могучем голосе.

Схватка вмиг стихла. Кто стоял, кто гнулся от боли, а кто валялся на земле; все были покрыты пылью, а некоторые и кровью.

Никос в порванной рубахе, под которой виднелись еще свежие рубцы на спине, стал коленом на грудь аргивянина и вцепился зубами в ухо лежавшего. Но прежде чем Филипп сумел сказать еще слово, прилетевший из темноты камень поразил царя прямо в затылок. Звук показался не менее громким, чем от падения камня, пущенного катапультой. Согнувшись, Филипп свалился с коня. Навстречу метнулся аргивянин с копьем, и я увидел, что около дюжины его

земляков сошлись кольцом вокруг распростертого тела царя. Все были с мечами.

Опустив голову, я бросился вперед и, пробив кольцо вооруженных воинов, выхватил копье из рук аргивянина, прежде чем он успел погрузить наконечник в тело лишившегося сознания Филиппа.

Гнев и ярость вновь охватили меня, и мир вокруг замедлился. Взяв копье как дубинку, я разбил его тупым концом лицо наемнику, у которого вырвал оружие. Тот рухнул как подкошенный. Готовый защитить царя, я встал над телом Филиппа, спиной к нервно переступавшему коню. Окружившие царя вооруженные аргивяне были ошеломлены. Позади них Никос и другие воины моего отряда застыли в столь же глубоком потрясении.

Вокруг опять началось смятение. Грубый мужской голос захлебнулся кровью, слышались крики, и из тьмы явился молодой Александр, золотоволосый, с дикими глазами, с окровавленным мечом в руке.

– Царь! – закричал он. Расталкивая всех, кто попадался ему на пути, царевич шагал ко мне.

– По-моему, он просто оглушен, господин, – сказал я.

Александр сурово посмотрел на меня, затем обратился к кольцу аргивян, все еще державших в руках мечи.

– Взять, – скомандовал он, – всех!

Никос и остальные разоружили аргивян и увели их во тьму.

– Ты спас жизнь моего отца, – сказал Александр.

Тут Парменион и другие военачальники наконец подошли к нам и склонились над телом Филиппа.

– Я хочу, чтобы убийц повесили, – сказал Александр в ночную тьму. – Только пусть сначала они расскажут, кто за платил им.

Но никто не слушал его. Александр остановил свои полные ярости глаза на мне:

– Будь возле царя, потом я присоединюсь к вам. – И удался. Трудно было поверить, что царевичу еще только восемнадцать лет.

4

Филипп не пришел в себя и через час. Я последовал за военачальниками, которые отнесли царя в жалкую хижину из бревен; глинобитный пол помещения покрывали грязные конские шкуры. Я стоял в открытых дверях, копьё аргивянина все еще оставалось в моих руках. Офицеры уложили Филиппа на скромную постель с заботой, которую мне редко приходилось видеть. Потом лекари и полководцы столпились возле царя. Испуганная рабыня принесла кувшинчик с вином.

Филипп очнулся. Хотя врачи настаивали, чтобы он оставался на ложе, царь поднялся. Приближенные помогли ему устроиться в складном походном кресле.

Вопль, полный муки, распорол ночь. Филипп резко поднял голову. Тут раздался другой вопль, громче и страшнее первого.

Филипп подозвал одного из военачальников, который склонил ухо к губам царя. Тот что-то проговорил, полководец кивнул и вылетел из хижины, минуя меня.

Вокруг царя деловито сновали лекари. Один из них омывал затылок Филиппа. Я видел, что полотно окровавлено. Другой растирал какую-то мазь в мелкой плошке. Разогретая огоньком свечи, она пахла камфорой.

– Вина. – Царь впервые заговорил громко после паде-

ния. – Еще вина.

Глаза девушки зажглись. Она облегченно вздохнула. Ей не могло быть больше тринадцати или четырнадцати.

Через несколько мгновений я увидел, что к хижине приближается небольшое шествие. Впереди выступал полководец, которого посылал Филипп, крупный, коренастый мужчина с жестким лицом, борода которого казалась еще чернее, чем у самого царя. Полководец был кривоног, звали его Антипатром. Но об этом я узнал потом. Возле него шествовал Александр, побледневший от гнева или чего-то другого, глаза царевича все еще пылали. За ним вышагивали с полдюжины молодцов, избранных им Соратников. Все они были чисто выбриты, как и сам Александр, поэтому казались моложе своих лет.

Соратники остановились в дверях. Александр прошел внутрь, за ним последовал Антипатр.

Царевич отправился прямо к отцу.

– Слава богам! Ты жив!

Филипп криво усмехнулся.

– Мой череп оказался прочнее, чем они рассчитывали.

Если передо мной и в самом деле были отец и сын, то они совсем не походили друг на друга. Рядом со смуглым и темноволосым Филиппом, лицо которого покрывала щетинистая борода, а толстые руки заросли шерстью и были покрыты белыми шрамами, Александр сиял чистым золотом волос, белой кожей, глаза его блестели. Я припомнил одно-

го из своих прежних знакомых. Я называл его Золотым; по неизвестным мне причинам смутное воспоминание заставило меня поежиться.

– Я еще узнаю, кто в ответе за это, – мрачно бросил Александр.

Но Филипп махнул рукой:

– Мы и так знаем это: Афины, Демосфен или кто-то из его друзей.

– Они подкупили аргивян. Я повешу всех.

– Нет, – сказал Филипп. – Только тех, у кого в руках было оружие. Остальные не имеют к этому никакого отношения.

– Откуда ты можешь знать? Позволь мне заставить их рассказать истину.

– Истину? – Лицо Филиппа искривила сардоническая усмешка. – Посади любого ногами в огонь, и услышишь от него именно то, что хочешь. Разве это истина? Разве этому тебя учил Аристотель?

Прежде чем Александр успел ответить, заговорил Парменион:

– Этот человек спас твою жизнь. – Он указал на меня.

Филипп посмотрел на меня единственным целым глазом.

– Когда царь лежал и его собирались убить, он пробился через аргивян и вырвал копье у убийцы.

Филипп нахмурился, пытаясь что-то припомнить, и наконец сказал:

– Орион, так, кажется?

– Да, господин, – отвечал я.

Он подозвал меня к себе:

– В каком ты сейчас отряде?

– В фаланге Никоса, господин.

– Никоса? Хорошо. Но раз ты отлично послужил мне, теперь будешь состоять в моей личной охране. Скажешь, чтобы тебя одели как надо. Антипатр, покажи ему, где разместились мои телохранители.

Антипатр коротко кивнул.

– Пойдем со мной, – сказал он.

Он вывел меня за пределы хижины.

– Ты скиф, да? Значит, умеешь ездить верхом, – сказал он.

– Выходит, что так.

Он кисло посмотрел на меня:

– Что ж, тебе это пригодится.

Так я стал одним из телохранителей Филиппа. Новые мои сотоварищи, царские телохранители, почти все были македонцами. В основном это были отпрыски древних и благородных семейств, хотя среди них имелись несколько чужеземцев, подобных мне. Я быстро узнал, что македонская знать учится ездить верхом прежде, чем ходить. Во всяком случае, так говорили, но оснований для сомнений у меня не было; они и в самом деле словно родились в седле. Все первое утро я потратил, приглядываясь к тому, как другие седлают своих могучих коней и скачут галопом по голой земле к месту ристалищ.

Солнце еще только ползло к зениту, а я уже знал все, что мне было нужно. При езде без седла и стремян приходилось тесно стискивать коленями бока лошади и держать поводья в левой руке, чтобы освободить правую для копья или меча. В общем-то нехитрое дело. Я сказал коноводу, ведавшему загонами, что готов сесть в седло. Тот вывел солового жеребца. Тем временем несколько других телохранителей подошли, чтобы посмотреть, как я справлюсь с конем. Я вскочил на спину жеребца и коленями послал его вперед. Однако у коня были собственные планы на сегодняшний день. Он начал отчаянно брыкаться, крутиться, вертеться, пытаясь сбросить меня со спины. Воины, заходясь хохотом, хлопали себя по ляжкам; я должен был показать, на что способен, и для этого мне явно предоставили животное самого скверного нрава.

Я припал к шее коня и, схватив его за гриву, сказал:

– Ты не сможешь стряхнуть меня, дикий. Мы с тобой теперь пара.

Я держался, напрягая до предела все мышцы. После нескольких минут яростной борьбы конь успокоился и побежал рысью, потом остановился, фыркая и тяжело вздымая боками. Я дал ему отдохнуть несколько мгновений, а потом послал вперед ударом пяток. Мы полетели как ветер к далеким холмам. Там я повернул его назад, и мы вернулись к загону, где с открытыми ртами стояли сошедшие на потеху воины.

– Хороший конь, – сказал я. – Как его зовут?

– Гром, – отвечал один из македонцев, почти осунувшийся от разочарования, когда я спрыгнул на землю.

– Он мне нравится, – сказал я.

На выдубленном непогодой лице коновода появилось выражение недоверия, смешанного с удивлением. Он качнул головой.

– Не видел ничего подобного с тех пор, как маленький царь укротил Быкоглава.³

Маленьким царем звали Александра, это я уже знал.

– Ну раз он тебе понравился, – сказал начальник телохранителей Павсаний, – бери, конь твой.

Я поблагодарил и повел Грома к рабам, которые обтирали коней после упражнений.

Осада Перинфа закончилась через несколько недель. Укрывшийся за стенами город так и не покорился Филиппу благодаря тому, что жители имели возможность получать припасы с моря. Царь отдал приказ сворачивать лагерь и возвращаться в Пеллу, свою столицу.

– Не понимаю, – сказал я Павсанию, высокородному македонцу, начальнику царских телохранителей, – почему мы уходим, так и не попытавшись взять город, если нас никто не гонит силой?

Ехавший рядом со мной Павсаний отвечал коротким горьким смешком.

Он был рожден в знатной семье. Однако в нем чувство-

³ знаменитый Буцефал, конь Александра Македонского

валось нечто темное и болезненное. Воины посмеивались у него за спиной, но я не понимал их шуток, так или иначе касавшихся мальчишек-конюших и пьянства.

– Не обязательно брать город штурмом или морить голодом его жителей, – бросил он. – Наш царь знает тысячу способов, один другого хитрее.

– Но зачем ему понадобился Перинф?

– Этот город в союзе с Афинами.

– А почему царь воюет с Афинами?

Приятное лицо Павсания украшала ухоженная светло-каштановая борода, однако оно имело вечно мрачное выражение. На сей раз его настроение проявилось в той невеселой улыбке, с которой он отвечал мне.

– Почему бы тебе не спросить об этом царя? Я всего лишь один из его многочисленных племянников. – И, утомленный моими бесконечными расспросами, он послал коня прочь от меня.

Вскоре к нам подъехал Александр на Буцефале, могучем, черном как ночь жеребце. Царевич едва дышал от волнения.

– Мы поворачиваем! – крикнул он нам. – Царь приказывает возвращаться.

– Назад к Перинфу?

– Нет, к берегу. Быстро! За мной!

Мы повернули и последовали за ним. Впереди я видел только Филиппа, окруженного горсткой телохранителей и полководцев, гнавших коней быстрой рысью. Происходило

что-то важное.

Я ехал вместе с Павсанием и царскими телохранителями, следом за Филиппом и его полководцами.

Александр вел остальных всадников позади нас. Солнце поднялось высоко, и уже стало жарко, когда мы перешли на шаг и повели наших животных через жидкие заросли кустов и деревьев, на невысокий холм, отлого спускавшийся к морскому берегу. Оставив войско у подножия холма, царевич подъехал к отцу.

На песчаном берегу под нами располагалась огромная флотилия кораблей. Их было не менее двух сотен. В основном пузатые купеческие суда, хотя среди них можно было насчитать и дюжину военных. Павсаний хищно улыбался, пока мы, оставаясь верхом, поглаживали шеи коней, чтобы животные не нервничали и не подавали голоса.

– Видишь? – сказал он негромким голосом, почти шепотом.

– Вот тебе и весь афинский флот, привезший зерно, стоит лишь протянуть руку.

Кто-то суетился вокруг кораблей, другие отдыхали на берегу, нежась на полуденном солнце. Несколько судов были завалены набок, и рабы замазывали горячей смолой их корпуса.

– Одни боги знают, кого он подкупил, чтобы они здесь остановились, – проговорил Павсаний. – Одноглазый лис хитрее самого Гермеса.

Я понял, что он говорит про царя Филиппа. Судя по тому немногому, что я знал, выходило, что флот этот вез зерно из богатых сельских земель, лежавших у Черного моря, расположенных за Бизантионом и Боспором, так делалось ежегодно, чтобы кормить Афины, где урожаи были скудны.

– Афиняне не любят обрабатывать землю, – сказал мне однажды вечером Никос. – Теперь они вообще не работают. Каждый получает свою долю зерна, привезенного через Босфор и Геллеспонт. Вот почему одноглазый старик стремится овладеть морскими портами, подобными Перинфу и Бизантиону. Пусть у афинян лучший флот в мире, но ведь кораблям каждый день на ночь нужно приставать к берегу.

Итак флот, который вез зерно, побоялся заходить в Перинф, пока армия Филиппа осаждала город. Поэтому афиняне заночевали здесь, почти в дневном переходе от Перинфа, полагая себя в безопасности. Филипп, должно быть, держал лазутчиков на берегу или даже среди моряков флота, если в словах Павсания была крупинка истины. Филипп велел всем спуститься за холм – там и разместились всадники, и никто с берега не мог их увидеть. Нам приказали напоить и накормить коней, самим перекусить вяленой козлятиной и водой. Мясо было похоже на кожу.

Наконец я увидел длинную цепочку воинов, по извилистой тропе приближавшихся к нам. Пелтасты шли легкой походкой. Тяжеловооруженных гоплитов не было. Удар нанесет легкая пехота, пелтасты здесь полезнее копьеносцев.

С разрешения Павсания я пробрался на вершину холма, чтобы присоединиться к горстке разведчиков, лежавших на животах и наблюдавших за врагом. Афиняне даже не выставили стражу! Лишь несколько вооруженных воинов находились возле военных галер; лагерь практически был не защищен.

Солнце спустилось и уже закатывалось за высокие холмы у нас за спиной, когда Филипп отдал приказ "по коням". Я был одет и вооружен, как полагалось телохранителю царя: бронзовый панцирь защищал мой торс, ноги – кожаные обмотки, а голову – бронзовый коринфский шлем с нащечными пластинами. В руках я держал копье, а у бедра висел меч в ножнах. Еще со мной был древний кинжал, привязанный к бедру под хитоном. Мы не стали нападать. Царь приказал, чтобы мы медленно спускались от холма к берегу, готовые перейти в галоп, если зазвучат трубы. Но предосторожность оказалась излишней, афинские моряки словно замерли на месте, увидев более тысячи всадников Филиппа, уже подъезжавших к выволоченным на берег судам. Я подъехал ближе, держа копье острием кверху, и увидел предельный ужас, застывший на лицах афинян. Пелтасты с короткими копьями и луками наготове взяли берег в клещи. Моряки были прижаты к воде.

Они не захотели сражаться. Флот сдался, и весь урожай зерна сделался добычей Филиппа.

"В Афинах будет голод этой зимой", – подумал я тогда.

Мы ехали в Пеллу, в столицу, и Филипп находился в прекрасном настроении: пусть он не сумел захватить Перинф и не нанес ущерба Бизантиону, только напугал их граждан, но зато он захватил урожай зерна. Армия рабов перетаскала корабельный груз на поскрипывавшие, влекомые быками повозки, а потом мы сожгли афинские корабли, все до последнего. Черный дым вздымался к небу, словно приношение богам, и не один день туманил кристальную синеву. Афинских моряков Филипп пешком отослал домой, хотя Александр, а с ним еще кое-кто предлагали взять их в рабство. Среди нас не было недовольных тем, что удалось захватить зерно без боя. Не было. Кроме одного – Александра.

– Молодой сорвиголова решил, что станет новым Ахиллесом, – ворчал Павсаний, пока мы ехали к столице. – Хочет славы и считает, что ее можно заслужить, только проливая кровь.

– А сколько ему? – спросил я.

– Восемнадцать.

Я усмехнулся:

– Понятно, разве не так? Или ты не хотел быть героем в свои восемнадцать?

Павсаний не ответил на мой вопрос. И только сказал мне:

– Несколько лет назад мы воевали в Северной Фракии,

и Филипп оставил Александра в Пелле управлять страной, пока сам находился в походе. Дал ему кольцо с печатью и все прочее. Вот тогда-то люди и стали называть его маленьким царем. Александру еще не было шестнадцати.

– Филипп доверил ему власть в шестнадцать лет? – удивился я.

– Конечно, с ним оставили Антипатра, чтобы тот направлял его руку, но Александр весьма серьезно отнесся к делу. Одно из горных племен, маеты, затеяло мятеж. Эти конокрады всегда или совершают набеги друг на друга, или пытаются уклониться от выплаты налогов царю.

– Александр усмирил их?

Павсаний кивнул.

– Оставил столицу в руках Антипатра, а сам вместе с такими же мальчишками, как он сам, галопом отправился воевать с мятежниками.

Он кисло усмехнулся, однако я еще не слышал ничего более похожего на смех от Павсания.

– Маеты, конечно, бежали в горы, бросив свою жалкую деревушку. Тогда Александр поехал в Пеллу за дюжиной македонских семей и поселил их в той деревне, переименовав ее в Александрополь.

Я ожидал окончания истории. Павсаний взволнованно посмотрел на меня.

– Кроме царя, никому не позволено давать свое имя городу, – объяснил он нетерпеливо.

Я отвечал:

– О!

– А ты знаешь, что сказал Филипп, когда услышал об этом?

– Что?

– "Мог бы и моей смерти подождать".

Я расхохотался:

– Должно быть, он обожает мальчика.

– Он гордится им. Гордится! Сопляк бьет его по лицу, а он этим доволен.

Я огляделся. Мы ехали во главе отряда, но всадники поблизости могли подслушать нас. Неразумно злословить в адрес Александра.

– Не беспокойся, – сказал Павсаний, заметив озабоченность на моем лице. – Никто из моих людей не станет доносить на нас. Все мы мыслим одинаково.

Я несколько усомнился в этом.

Павсаний умолк, какое-то время мы ехали, не говоря ни слова; лишь мягко стучали копыта коней по пыльной земле да изредка звякала металлом чья-нибудь сбруя.

– Если хочешь знать причину, скажу: во всем виновата его мать, – проговорил Павсаний, словно бы разговаривая с самим собой. – Олимпиада затуманила голову мальчика своими безумными рассказами, еще когда тот сосал ее грудь. Это она заставила Александра поверить в то, что он сын бога. И теперь он считает, что слишком хорош не только для

нас, но даже для своего собственного отца.

Я молчал. Мне нечего было ответить.

– Все эти рассказы, что Филипп не настоящий его отец, что он рожден от Геракла, – Олимпиадины бредни, конечно. Ха, рожден от Геракла! Еще бы, ей, конечно, хотелось бы, чтобы и Геракл вспахал ее поле. Но она имела дело с Филиппом.

Я вспомнил, что Никос называл Олимпиаду ведьмой, а его люди спорили о том, обладает ли она сверхъестественной силой. И о ее репутации отравительницы.

Я видел в Александре обычного юношу, если не считать, что отец его был царем Македонии и юноша этот уже не раз водил конницу в битву. На мой взгляд, он рвался доказать всем, что он уже мужчина, а не мальчик. А более всего хотел доказать это отцу. Александр считался наследником престола, однако из этого еще не следовало, что он займет трон: македонцы выбирали своих царей, и, если с Филиппом что-нибудь случится, молодому Александру придется потрудиться, чтобы убедить старейшин в том, что ему по силам тяжесть власти.

Конечно, у него были его Соратники, молодые люди, с которыми он вырос, по большей части юноши из благородных македонских семейств.

Он был их главой по праву рождения, и Соратники только что не обожествляли его. Четверо из них, похоже, были особенно близки с ним. Улыбчивый Птолемей, неуклюжий

Гарпал, критянин Нearch и в особенности симпатичный Гeфeстион постоянно соперничали друг с другом и стремились блеснуть перед Александром.

Все они вместе воевали, и каждый пытался превзойти другого в бою. Все они выбривались дочиста, как это делал царевич, хотя среди телохранителей и поговаривали, что ему вообще нет нужды бриться.

– Безбород, как женщина, – несколько раз повторил Павсаний, причем явно не без удовольствия.

Я подумал: "А понимает ли он, что моя собственная борода растет так медленно, что бриться мне приходится лишь изредка?"

Впрочем, взгляд Александра смущал меня. В нем я видел не одно честолюбие, не одну яркую жажду славы. Мне казалось, что у него глаза древнего старца, что совсем не подходило восемнадцатилетнему юноше. В этих золотых глазах трепетало нечто не знавшее времени, нечто не признававшее веков и тысячелетий. А иногда молодой царь смотрел на меня как бы с легкой насмешкой.

Дни шли, а память моя не улучшалась, словно бы я родился взрослым, в броне гоплита всего несколько дней назад. Люди считали меня скифом, ведь я был высок, плечист и сероглаз. Но я понимал их язык – все диалекты и даже совершенно чужие языки, на которых говорили некоторые из воинов. Я все пытался вспомнить, кто я и почему здесь оказался. И не мог избавиться от чувства, что меня послали сю-

да преднамеренно, забросили в это время и место по причинам, которые я не мог вспомнить.

Ключом к тайне был кинжал, прикрепленный к моему бедру, он находился там так долго, что даже когда я снимал его, ремни и ножны все равно оставляли отпечаток на моей плоти. Я не показывал его никому после той ночи, когда аргивяне пытались убить Филиппа.

Но по дороге в Пеллу однажды ночью я извлек его из-под хитона, и один из телохранителей заметил, как блеснул в свете костра полированный оникс рукояти.

– Где ты его взял? – Он задумчиво смотрел на прекрасное оружие.

"У Одиссея" – хотелось сказать мне. Однако я придержал язык. Никто мне все равно не поверит, да и я не был уверен в том, что не ошибаюсь.

– Не знаю, – отвечал я, позволив ему взять у меня оружие. – Я не помню совершенно ничего из того, что было со мной больше недели назад.

Другие телохранители тоже принялись восхищаться кинжалом. Они заспорили относительно его происхождения.

– Критский кинжал, – говорил один из мужей. – Посмотрите на изгиб рукоятки.

– Ба! Ты не знаешь, о чем говоришь. Видишь: на рукоятке рисунок. Когда это критяне изображали летящего журавля? Не было такого!

– Ну хорошо. Тогда откуда он?

– Из Египта.

– Из Египта? Ты перепил вина!

– Говорю тебе, тут потрудился египтянин.

– Как и над твоей мамашей.

Дело едва не дошло до потасовки. Нам с Павсанием пришлось вмешаться, растащить задира и сменить тему.

Но на следующую ночь оружейник царских телохранителей попросил меня показать ему кинжал. Оружие мое стало знаменитым, это тревожило меня. Я всегда прятал кинжал так, чтобы использовать его при необходимости, когда не останется ничего другого. Но если все узнают о нем, кого я смогу удивить этим оружием?

– Вот так клинок! – с восхищением сказал оружейник. – Я никогда не видел подобной работы. Никто не делает теперь таких лезвий. Это настоящий шедевр, работа истинного мастера.

Летающий журавль был знаком дома Одиссея, я помнил это. Выходило, что я все-таки получил этот кинжал от самого Одиссея, царя Итаки, в лагере ахейцев возле стен Трои.

Тысячу лет назад.

Подобного не могло быть, и, даже как будто бы понимая это, я все равно видел мысленным взором высокие толстые стены и единоборство героев на равнине перед городом. Я видел мужественного Гектора, пламенного Ахиллеса, крепкого Агамемнона и осторожного Одиссея столь же отчетливо, словно был вместе с ними.

И когда в ту ночь я распростерся на земле под своим плащом, то стиснул кинжал в руке, ожидая увидеть сон и об Одиссее, и о том, кем я был прежде... И почему помню события войны, окончившейся тысячу лет назад, хотя забыл все, что случилось в прошлом месяце?

Я уснул.

Сон пришел тревожный и путаный, вихри его наполняли полужнакомые лица и неразборчивые голоса.

Я видел Александра; золотые волосы его развевались по ветру, царевич галопом скакал на своем черном как ночь жеребце по пустыне, усеянной человеческими черепами. Его лицо изменилось. Оставаясь самим собой, он сделался кем-то еще, жестоким и надменным, со смехом скакавшим по живым еще людям, терзая их тела копытами своего коня.

Все преобразалось, менялось, таяло подобно горячему воску, сон перенес меня в другое место: пьяный Филипп развалился на ложе с чашей вина в руке, царь яростно сверлил меня единственным глазом.

– Я доверял тебе, – бормотал он. – Я доверял тебе.

Нет, он не был пьян – Филипп умирал, кровь била из раны, нанесенной в живот ударом клинка. Отступая от трона Филиппа, я сжимал в правой руке окровавленный меч.

Кто-то рассмеялся у меня за спиной, я обернулся, едва не поскользнувшись на увлажненных кровью камнях пола, и заметил, что передо мной – Александр. Но это был не он, это был не знавший возраста Золотой. Глядя на меня виде-

шими ход многих тысячелетий глазами, он горько смеялся, и презрение, смешанное с ненавистью, леденило мою душу.

Возле него стояла высокая, царственная и невероятно прекрасная женщина с распущенными рыжими волосами и кожей, белой как алебастр. Она мрачно улыбнулась мне.

– Хорошо сработано, Орион, – сказала она и шагнула, чтобы положить ладони мне на плечи, а потом обвила руками мою шею и жадным поцелуем припала к губам.

– Ты не Афина, – сказал я.

– Нет, Орион, нет. Можешь звать меня Герой.

– Но я люблю... – Я хотел сказать: Афины, но потом вспомнил, что мою возлюбленную звали иначе.

– Ты будешь любить меня, Орион, – сказала пламенноволосяя Гера. – Я заставлю тебя забыть о той, которую ты называешь Афиной.

– Но... – Я собирался сказать ей еще кое-что, но немедленно забыл, что именно.

– Вернись назад в поток времен, Орион, – сказал Золотой, все еще пренебрежительно улыбаясь. – Вернись назад и исполни роль, которую мы предназначили для тебя.

Повелевая, он смотрел на мертвого Филиппа. Окровавленный клинок оставался в моей руке. Я проснулся с болью в сердце, окруженный телохранителями Филиппа, все еще сжимая пальцами древний кинжал.

Мы продолжили путь по скалистой земле вдоль прибрежных холмов к Пелле. Следом за войском тянулись бесконеч-

ные повозки, груженные зерном, которое мы захватили. По ночам в лагере поговаривали, что Филипп продаст зерно, наберет побольше войска и нападет на Афины. Или что он продаст зерно Афинам в обмен на Перинф и Бизантион. Или будет хранить зерно в Пелле, готовясь к нападению афинян на свою столицу.

Однако, если Филипп и ожидал, что придет в Пеллу, в городе это не чувствовалось. С первого взгляда столица Филиппа произвела на меня глубокое впечатление. Вокруг города не было стен. Он располагался на просторной равнине возле дороги. Множество каменных строений были столь же открыты и незащитны, как афинский флот, который захватил македонский царь.

– Мы обороняем его, – сказал Павсаний. – Все войско Филипп воюет только в чужих землях. Враги не смеют угрожать городам царя. Пелла – новый город, – пояснил он мне. – Старая столица, Эги, находится высоко в горах. Она окружена стенами, как и положено крепости. Но Олимпиаде не понравилось там, и Филипп перенес столицу сюда, к дороге, чтобы порадовать жену.

Город еще только строился, я заметил это, когда мы подъехали ближе. Дома и храмы возводились из камня и кирпича; перед нами в склоне холма был устроен большой театр. На самом высоком месте теснились здания с колоннами из полированного мрамора: дворец Филиппа, как объяснил мне Павсаний.

– Большой, – заметил я, имея в виду дворец.

– Большого города я не видал, – ответил Павсаний.

– Ты не видел Афин, – послышался голос позади нас.

Повернувшись в седле, я заметил Александра, золотые волосы которого сверкали под утренним солнцем, а глаза горели внутренним огнем.

– Афины построены из мрамора, а не из серого тусклого гранита, – сказал он высоким и резким голосом. – Фивы, Коринф... даже Спарта прекраснее, чем это нагромождение камней.

– Когда ты был в Афинах? – ледяным тоном спросил Павсаний. – И в Фивах, и Коринфе, и...

Александр бросил на него взгляд, выражавший откровенную ярость, и послал коня вперед. Его черный Буцефал поднял копытами пыль, которая запорошила наши глаза. Царевич отъехал.

Павсаний плюнул:

– Как послушаешь его, можно подумать, что объехал весь мир в колеснице!

Мгновение спустя Соратники Александра проскакали мимо, и нас окутало еще более густое облако пыли.

Когда мы остановились днем перекусить, Павсаний велел нам привести себя в порядок. Конюхи вычистили лошадей, рабы до блеска отполировали панцири. Мы вступили в город при полном параде, а граждане Пеллы вышли на улицы, чтобы приветствовать победителей радостными возгласами.

Но я не чувствовал особой радости; сон все еще тревожил меня. Я гадал, найдется ли в этом городе кто-нибудь, кто может истолковать мое видение, не объявив меня предателем, способным видеть сны об убийстве царя.

Посреди войска ехал Филипп, и горожане засыпали его приветствиями и цветами. Судя по тому, что я слышал от воинов, менее чем двадцать лет назад – когда Филипп сделался царем – Македонию притесняли соседи. Теперь они были либо покорены, либо стали союзниками царя-полководца. Филипп был настолько удачлив, что его столица не нуждалась в стенах. И теперь он стремился сделаться господином всего края: от Иллирии, протянувшейся вдоль Адриатического моря, до Бизантиона на берегу Боспора, от диких северных племен, обитавших возле реки Истр, до могучих Фив и Коринфа и даже до самых Афин. Поговаривали даже о вторжении в Азию; когда будет улажен вопрос с Афинами, придется освобождать греческие города Ионии и повыщипать бороду персидского Царя Царей.

Наслаждаясь приветствиями толпы, мы ехали по широкой главной улице Пеллы до самых ворот в дворцовой ограде. Оказавшись дома, Филипп послал своего коня вперед и первым спрыгнул у ступеней дворца.

На вершине серой гранитной лестницы, гордая и царственная, с огненными волосами, уложенными спиралью, которая делала ее еще выше, чем была она от природы, в царственном облачении чистейшей белизны, окаймленном

переливчатой пурпурной полосой, невероятно прекрасная, надменная и властная, стояла женщина, которая в моем сне назвала себя Герой.

Глядя на нее, я невольно открыл рот.

– Что так удивился, Орион? – отрывисто шепнул Павсаний. – Ты видишь перед собой царицу Олимпиаду.

Это была Гера.

И она узнала меня. Гера смотрела на меня, не замечая Филиппа, который, хромая, поднимался по лестнице; я впервые заметил, что царь был не только покрыт многочисленными шрамами, но и частично парализован. Но не это открытие ошеломило меня, а Олимпиада, Гера. Она разглядывала меня с ледяной улыбкой. Кроваво-красные губы ее шевельнулись, беззвучно выговорив единственное слово:

– Орион.

Она знала меня. Значит, сон мой не был сном.

6

Я не удивился, когда мне передали, что царица велела мне явиться к ней.

В основном царскими телохранителями служили молодые знатные македонцы. И когда нас отпускали, они сразу расходились по своим домам – к семьям. Только немногие из нас – чужеземцы или люди, не имевшие своего дома в Пелле, – ночевали в казарме.

Мы занимали одно из строений во дворце, в котором сновали рабы разного возраста, женского и мужского пола, поддерживавшие здесь уют. Наше обиталище было, пожалуй, чересчур роскошным для казармы. В просторной комнате под деревянным потолком, поддерживаемым крепкими балками, стояли удобные лежа. Было где отдохнуть. Окна полной воздуха комнаты выходили на площадь, где проводились парады.

Я заметил, что соседи мои прекрасно знают домашних рабов. Кое-кто из женщин и мальчишек явно состояли в близких отношениях с телохранителями.

Царица прислала за мной вестника. Он застал меня в бассейне, наполненном ключевой водой, который был расположен неподалеку от двора, где мы упражнялись. Вода обжигала холодом, но я не обращал внимания на это, как и на то, что некоторые воины смеялись над тем, что я мою тело.

– Напрасно трудишься, Орион, скоро пойдет дождь! – крикнул мне один из сидевших на каменной скамье возле стен двора.

– Нет, он у нас из афинских неженков, которые купаются каждый месяц, – съехидничал другой.

Когда появился посланник царицы, все сразу умолкли. Должно быть, подумали, что я заранее знал, когда царица призовет меня к себе. Или же решили, что царица своим волшебством велела мне вымыться, чтобы от меня не разлило потом в ее присутствии.

Словом, я последовал за вестником, благоухавшим духами, еще не знавшим бритвы юнцом, по комнатам и коридорам дворца, прямо в приемную царицы.

Да, передо мной оказалась Гера, огненноволосая и властная красавица, обещавшая мне любовь в недавнем видении.

"Сон продолжается", – решил я, направляясь от двери к престолу и низко склоняясь перед царицей. Разве может быть иначе? Ведь иногда людям случается видеть свое будущее во сне. Нет, она узнала мое имя от гонцов, которых послал царь. Гонцов или лазутчиков.

Я подумал, что так скорее всего и случилось. Однако чем объяснить, что Гера из моего сна оказалась копией Олимпиады, царицы Македонии, восседавшей передо мной на троне из полированного черного дерева? Я ведь никогда не видел царицу, только в том сне.

Два телохранителя в прекрасных полированных панци-

рях из кованой бронзы, замерев позади трона, неподвижными глазами уставились в бесконечность. В уголке сидели несколько женщин. Трон поднимался над сверкавшим полом. Возле престола стояли высокие краснофигурные вазы, наполненные изящными цветами.

– Мне сказали, что тебя зовут Орионом? – спросила она.

– Да, госпожа, – вежливо отвечал я, полагая, что имя мое ей превосходно известно. Подумалось: а если она знает не только мое имя, но и кто я и почему оказался здесь?..

– Мне сказали, что ты спас царю жизнь.

– Я поступил, как подобает верному воину, – отвечал я.

И вновь призрачная улыбка на короткий миг скользнула по ее губам. Я подумал, что, если бы Филипп тогда погиб, ее сын уже стал бы царем.

– Олимпиада, царица Македонская, благодарит тебя, Орион.

Я вновь поклонился.

– Какой же награды ты просишь? – спросила она. – Говори, не смущайся.

Слова слетели с моего языка прежде, чем я понял, что говорю:

– У меня нет памяти, госпожа, я помню лишь то, что было со мной несколько дней назад. Если это в твоей власти, скажи, кто я и что делаю здесь?

Она изогнула бровь, глядя на меня с удивлением и некоторым неудовольствием.

Но потом улыбнулась и негромко сказала:

– Приходи сюда в полночь, Орион. Только один, и никому не говори об этом. Ты понял?

– Понял.

– Итак, встретимся в полночь.

Я поспешил к выходу. "Прийти одному, и так, чтобы никто не узнал". Опасно... Что подумает царь, если узнает об этом?

Оказалось, что Филиппа тоже волнует мое беспамятство. Вестник, доставивший меня к царице, ожидал у входа в зал. Он сказал мне, что теперь меня ждет Парменион.

Красноносый Парменион сразу вызвал у меня симпатию. Он был немолод, лет пятидесяти, и, хотя волосы и борода его поседели, сложением отличался крепким: приземистый, широкий в груди, с мощными руками. Кроме того, характером он обладал весьма прямолинейным.

– Царь хочет, чтобы ты поговорил с учителем Александра, – сказал полководец, едва увидев меня. Он занимал во дворце одну из немногих свободных комнат. Собственный дом и семья – если они у него были – находились далеко отсюда.

– С учителем Александра? – переспросил я.

– Он узнал о том, что ты лишен памяти, и хочет поговорить с тобой. Зовут его Аристотель, он называет себя философом, хотя родом из наших краев, из Стагиры. Только вот пожил некоторое время в Афинах и набрался там странных

идей, а теперь носится с ними.

Меня вновь повели по дворцу... Я последовал за тем же надушенным юнцом через те же ворота, в которые мы въехали утром, потом по одной из шумных улиц Пеллы к дому Аристотеля Стагирита.

На улицах висели густые облака пыли, поднятой или всеобщим строительством, или резким ветром, продувавшим каменистые равнины вокруг... Впрочем, какая разница? Повсюду стучали, орали строители и торговцы, уличные разносчики, хозяйки и купцы торговались, крича изо всех сил.

К только что оштукатуренной стене нового дома прислонилась тощая и совсем юная девица лет десяти, она возилась с одной из своих сандалий. Длинные каштановые волосы девчонки были превосходно уложены, короткое голубое одеяние приспустилось, открыв плечо. Тут я заметил, что она мажет чернилами подошвы сандалий. Каждый ее шаг оставлял объявление, приглашавшее в дом свиданий Дионисии из Амфиполиса. Я расхохотался: у Дионисии, должно быть, состоятельная клиентура, если она рассчитывает, что новые гости умеют читать.

Филипп предоставил Аристотелю большой и просторный, но не слишком солидный дом. Некоторые из новых сооружений, мимо которых я проходил, и другие, еще только строившиеся, казались более величественными благодаря украшенным желобками колоннам и лестницам, поднимавшимся к их подножию. Обычно здания отделяли от улицы низкие

стены и полные цветов сады.

"В столицу переезжают все, кто хоть что-то собой представляет", – подумал я. Мужланы-отцы, главари шаек конокрадов, породили сыновей-аристократов, соперничавших друг с другом в роскоши домов и садов. Новая знать оставила горы и селения предков, чтобы в столице Филиппа служить своему царю.

Дом Аристотеля был невысок и приземист, лишь свежеокрашенные балки кровли свидетельствовали о том, что кто-то следит в нем за порядком. Сад перед домом зарос сорняками. Сквозь гравий на дорожке также пробивалась трава, ее явно не поправляли несколько месяцев. Ставни на окнах облезли, некоторые даже покосились.

Но когда я вошел в здание, впечатление мое переменилось. Сначала мне показалось, что дом слишком велик для одного человека, ведь меня уверяли, что философ живет в одиночестве. Затем я увидел, что ошибался: ученый жил весьма широко, ему едва хватало места.

Дом служил музеем, библиотекой, хранилищем всяких свитков, документов, множества вещей, которые занимали глубокий ум Стагирита. Симпатичный юный вестник подвел меня к входной двери, которую незамедлительно открыл передо мной ясноглазый слуга с клочковатой светло-каштановой бородой и рыжими волосами. Застиранный хитон его казался весьма поношенным.

Оставив неухоженный сад, я вступил в комнату, которая

прежде служила прихожей. Ныне стены ее были заставлены полками, забитыми свитками, которые, судя по виду, много ходили по рукам. Лысеющий слуга повел меня по коридору, который сужали нескончаемые книжные полки, в заднюю часть дома, где Аристотель, согнувшись, разглядывал морские раковины. Я не заметил среди них даже двух похожих.

Он взглянул на меня, моргнул, а потом порывистым жестом отослал слугу. Невысокий и худой – едва ли не изможденный, – Аристотель напоминал подземного карлика: крупная голова с высоким лбом венчала убогое тело. Темные волосы философа поредели, борода была опрятно подстрижена. Небольшие глаза постоянно моргали, словно ученому было больно смотреть.

– Так ты и есть тот, которого зовут Орион? – спросил он голосом, на удивление глубоким и сильным.

– Да, я Орион, – отвечал я.

– Чей сын?

Я мог только пожать плечами.

Он улыбнулся, показав неровные желтые зубы:

– Простите меня, молодой человек, за неудавшийся фокус. Мне уже приходилось иметь дело с людьми, лишившимися памяти. Если ошеломить их вопросом, они могут ответить не думая, и память немедленно возвращается к ним, во всяком случае, отчасти.

Аристотель усадил меня на табурет возле рабочего стола и принялся обследовать мою голову, освещенную полуденным

светом, проникавшим через высокое окно.

– Шрамов нет, – пробормотал он, – признаков ранения головы тоже.

– На мне все заживает очень быстро, – сказал я.

Ученый пронзил меня пронизательным взглядом:

– Ты это помнишь?

– Нет, – отвечал я правдиво. – Я просто знаю это... Как ты знаешь мое имя.

– И ты забыл всю свою жизнь, кроме самых последних дней?

– Да, словно бы родился взрослым. Я помню себя лишь среди наемников Диопейгеса на равнине возле Перинфа... Это было чуть более недели назад.

– Значит, родился взрослым со щитом и копьем в руке, – сказал он, чуть улыбнувшись. – Подобно Афине.

– Афине? Ты знаешь ее?

– Я знаю всех богов, Орион.

– Мне снятся они.

– В самом деле?

Я помедлил, не зная, сколько можно сказать ему. Что, если ученый сочтет меня безумным? Или усмотрит предательство в том сне, когда Олимпиада-царица предстала передо мной в облике Геры-богини? Неужели она действительно хочет, чтобы я убил царя?

– А какова из себя Афина? – спросил я.

Аристотель моргнул несколько раз.

– Обычно ее изображают в броне и шлеме. Фидий изваял ее огромную фигуру со щитом и копьем. На плече богини сидит сова, символ ее мудрости.

– Но лицо, – настаивал я. – На кого похожа Афина?

Глаза Аристотеля расширились.

– Она ведь богиня, Орион, никто из смертных не видел ее.

– Я видел.

– Во сне?

Понимая, что проболтался, я ответил коротко:

– Да.

Глядя на меня, Аристотель задумался, слегка склонив к хрупкому плечу огромную голову.

– Она прекрасна? – спросил наконец ученый.

– Бесконечно... Глубокие серые глаза, волосы словно полночь, все лицо ее... – Я не мог подобрать слов, чтобы описать мою богиню.

– Итак, ты любишь ее, Орион? – спросил Аристотель.

Я кивнул.

– А она любит тебя... в твоих снах?

Я знал, как любила меня Афина среди заснеженных беспредельных просторов ледникового периода. А потом – в зеленых лесах Рая. Мы любили друг друга целую вечность – в пыльных лагерях Великого хана, в залитом электричеством городе цивилизованной Земли, на берегах Метанового океана самой крупной из лун, вращавшихся вокруг украшенного кольцами Сатурна.

Но об этом я умолчал. Аристотель уж точно решит, что имеет дело с безумцем, если я выложу хотя бы сотую долю моих видений-воспоминаний. Поэтому я ответил просто:

– Да. В моих снах мы с ней любим друг друга.

Должно быть, ученый ощущал, что я о многом умалчиваю. Беседа наша продлилась до сумерек, когда слуги неслышно скользнули в комнату, чтобы зажечь масляные лампы. Впустивший меня в дом лысоватый дворецкий что-то шепнул хозяину.

– Тебя ждут в казарме, Орион, – сказал мне Аристотель.

Поднявшись с табурета, я удивился: разговор затянулся настолько, что мышцы мои затекли.

– Благодарю тебя за потраченное на меня время, – сказал я.

– Надеюсь, что я все же помог тебе.

– Да, пусть и немного.

– Приходи ко мне. Я почти всегда дома и буду рад видеть тебя.

– Спасибо, – отвечал я.

Обойдя длинный стол, Аристотель проводил меня до дверей комнаты.

– Скорее всего ключ к твоей памяти спрятан в твоих загадочных сновидениях. Случается, люди видят во сне такое, о чем наяву даже не смеют и думать.

– Боги обращаются к снам, чтобы объявить смертным свои желания, – предположил я.

Аристотель улыбнулся и тронул мое плечо.

– У богов найдется рыбка покрупнее нас с тобой, Орион, если они правда вникают в людские дела. Боги слишком заняты, чтобы обращать на нас внимание.

Слова ученого попали в цель: не знаю почему, но я чувствовал, что он прав, оставалось лишь удивляться его мудрости. И вместе с тем Аристотель ошибался: у богов нет более интересного занятия, чем вмешиваться в людские дела.

Меня вызвали в казарму, потому что в тот вечер я был назначен на дежурство. Почти все телохранители царя отправились по своим домам, разбросанным по всему городу. И те воины, что оставались во дворце, были вынуждены подобно статуям украшать долгие и шумные пиршества Филиппа, посвященные главным образом винопитию.

Из числа знатных македонцев в ту ночь стоял в карауле чуть ли не один Павсаний. Он брюзжал, напоминая, что мог бы сейчас быть среди пирующих, а не стоять рядом с нами в броне и шлеме, пока его друзья напивались до оцепенения.

– Ничем я не хуже их, – бормотал он, проверяя мой внешний вид: мы снарядились как в бой и взяли с собой щиты.

Меня поставили возле главного входа в пиршественный зал. В огромном очаге по одну сторону просторной палаты ревел, пожирая дрова, огонь, но не для того, чтобы готовить еду. Даже летом ночи в Македонии оставались прохладными. Взмокшие слуги носили яства на громадных блюдах и расставляли их на столах, а псы, устроившиеся у камина,

смотрели на людей голодными глазами, в которых мерцали кровавые отсветы пламени.

Филипп возлежал в парадной части зала. Ложе царя поднималось над полом с изображением мозаичного льва, выложенным разноцветной галькой и потрясавшим своим правдоподобием. Возле стола его находились полководцы Парменион, Антипатр и Антигон, седой и тощий, как старый волк. Как Филипп, Антигон потерял глаз в бою.

Пировали, конечно, только мужчины... по началу. Женщины прислуживали. Среди них попадались молодые и стройные, эти улыбались, ощущая на себе похотливые взгляды, сопровождаемые смелыми жестами. С прислуживавшими юнцами обращались подобным же образом. Сам же Филипп щипал за мягкое место молодежь обоего пола. Вино лилось рекой, хохот и грубые шутки сопровождали каждый глоток. Я заметил, что Александра не было среди пировавших, его молодых Соратников тоже. Сегодня царь пировал со своими друзьями, товарищами по оружию и родней – близкой и дальней. Среди таких родственников был Аттал, жирный вождь клана горцев, с глазами-пуговками, которому, как утверждали, принадлежал самый большой дом во всей Пелле и самый многочисленный табун коней в Македонии. А еще у Аттала была четырнадцатилетняя племянница, которой он раздраживал Филиппа, словно наживкой на крючке, – так говорили в казарме.

– Филипп любит молоденьких, – бросил один из моих со-

седей по комнате, когда мы готовились к выходу. – Мальчишек, девчонок – ему безразлично.

– А сколько лет было Олимпиаде, когда царь женился на ней? – спросил я.

– Ну, тут другое дело. Государственный брак. Он привлекал молоссян и весь Эпир на сторону Филиппа.

– Тогда царь пылал к ней страстью, – заметил другой воин.

– Ты хочешь сказать, она околдовала его?

– Но как бы то ни было, любовь кончилась, когда Олимпиада родила ему Александра.

– Это ничего не значит: старый лис прекрасно видит своим единственным глазом каждую гладкую шкурку.

Общий одобрительный смех выразил известную зависть к царственным привилегиям Филиппа.

Пир превратился в затянувшуюся попойку, и я успел усомниться в том, что сумею прийти на назначенное царицей полночное свидание. Вино, поглощенное Филиппом, уже наполовину лишило его сознания, но десятилетний виночерпий все доливал алую жидкость в золотой кубок. Некоторые из гостей успели подремать на ложах, другие веселились и приставали к симпатичной прислуге.

Потом в пиршественный зал пустили гетер, и слуги разошлись, причем многие явно обрадовались этому. Пришедшие профессионалки были старше служанок и явно не сомневались в себе. На мой взгляд, они выбирали себе именно тех партнеров, с кем им хотелось быть. Никто не протек-

стовал, а поведение гостей сразу улучшилось. Стихли пошлые шутки, умолк бешеный хохот, одна из куртизанок махнула рукой музыкантам, праздно сидевшим в углу. Те тронули струны лир, заиграли на флейтах, и тихая, ласковая музыка потекла в пиршественный зал. Терпкий запах пролитого вина и вонь блевотины пропитывали воздух, но ароматы далеких стран уже изменили атмосферу к лучшему.

Не прошло и часа, как пиршественный зал опустел. Никто, конечно, не смел уйти раньше царя, но, когда явились гетеры, он поднялся и, приволакивая хромую ногу, отправился к себе, опираясь на плечо молодого еще парнишки. Мужчины тоже начали расходиться вместе с гетерами. Наконец зал опустел, и усталые слуги принялись прибираться, бросая объедки псам, весь долгий вечер ожидавшим этого момента у огня.

Наконец Павсаний прошел мимо моего поста.

– Свободен, – на ходу коротко бросил он.

Я поспешил в казарму, снял панцирь и направился во дворец к Олимпиаде.

Царицы не оказалось в той комнате, где я разговаривал с ней впервые. Там меня ожидала служанка, по плечам которой плавно стекали темные волосы, она не прятала ни всепонимающей улыбки, ни глаз-терновинок. Подняв масляную лампу, девушка повела меня по верхним этажам дворца через лабиринт лестниц, коридоров и комнат. Я решил, что она намеренно пытается запутать меня.

– Неужели дорогу к покоям царицы можно скрыть? – спросил я как бы в шутку.

Желтый огонек лампы высветил загадочную улыбку, она посмотрела на меня и сказала:

– Увидишь.

Так и вышло. Наконец мы оказались возле невысокой деревянной дверцы, которой заканчивался совершенно пустой коридор. Я мог слышать, как скулит за стенами полночный ветер, хотя рядом не было ни одного окна.

"Значит, мы поднялись высоко", – решил я.

Служанка поскреблась в дверь, створки безмолвно распахнулись. Шагнув через порог, она пригласила меня следовать за собой. Я склонил голову, чтобы не задеть нижнюю притолоку. Служанка скользнула обратно и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В палатах царицы было темно, темней, чем в самую чер-

ную безлунную полночь. Мрак казался столь глубоким и полным, что мне даже померещилось, будто я шагнул в небытие, в пустоту, где не могли существовать свет и тепло. Мое дыхание пресеклось. Я вытянул руки, пытаюсь, подобно слепцу, на ощупь отыскать какую-то опору в этой стигийской пропасти. И я искал ее, а чувства твердили мне, что я падаю в бездну, где не существует ни времени, ни пространства. Панический страх уже овладевал мной...

И тут я увидел едва заметный огонек. Он мерцал робко, подобно первой утренней звезде, и я даже усомнился в том, что он на самом деле существует. Впрочем, постепенно свет становился ярче. Я уже слышал шаги босых ног, слабые отзвуки далекого смеха. Страх отступил, я смог вздохнуть и замер в безмолвии, ожидая, когда свет делается более ярким, незаметно опустив руку к кинжалу, прикрытому хитомом.

Загорелись лампы – сначала неярким дрожащим светом, наконец они засияли в полную силу. И я увидел, что оказался в невероятно длинном и широком зале, далекий потолок скрывали тени. Пол мерцал белым мрамором, с обеих сторон рядами стояли массивные колонны из зеленого камня.

В дальнем конце зала восседала Олимпиада – или Гера? – на троне резной слоновой кости, украшенном чеканным золотом. Царица излучала великолепие, но змеи копошились у подножия ее трона, ползали по ступеням мраморного возвышения, по высокой спинке самого трона. Небольшие смертельно ядовитые змейки сплетались с огромными удавами,

щели их зрачков сверкали.

Эта колоссальная комната не могла быть частью дворца Филиппа. Должно быть не заметив того, я проник в другой мир, в другую вселенную.

"Вот это колдовство! – решил я. – Простодушным воинам Филиппа даже не представить такого".

– Иди ко мне, Орион. – Низкий и мелодичный голос Олимпиады доносился словно из неведомой дали, и, хотя я стоял вдалеке от трона, мне показалось, что она находится рядом.

Я шел к ней словно в трансе, и путь этот казался мне бесконечным. Я не слышал ничего, лишь стук собственных сандалий по мраморному полу. И я следил за змеями, а они не отрывали от меня мерцающих глаз.

Наконец я оказался возле подножия трона. Медно-красное платье Олимпиады, гармонизировавшее с цветом ее волос, оставляло нагим плечи и руки. В разрезе юбки виднелись длинные гладкие ноги. Драгоценности украшали ее грудь и пальцы. Царица взглянула на меня и улыбнулась, жестокая и прекрасная.

– Ты боишься меня, Орион?

– Нет, – отвечал я, хотя один из питонов уже оплетал пятнистым буро-зеленым телом мои ноги, поднимаясь по мне словно по дереву. Я застыл, не в силах шагнуть, не в силах бежать, не в силах даже шевельнуть рукой или пальцами. И все же я не ощущал страха. Я был действительно околдован.

Олимпиада откинулась на спинку трона, гибкая кобра скользнула по ее нагому плечу и спустилась на грудь.

– Ты любишь меня, Орион?

– Нет, – сказал я. – Я люблю... Афины.

Улыбка ее сделалась холодной.

– Смертный не может любить богиню. Тебе нужна женщина из плоти и крови, ты любишь меня.

– Не хочу обидеть, но...

– И ты будешь любить меня! – отрезала она. – И никого другого.

Я обнаружил, что теперь больше не могу говорить. Питон сдавил мне грудь. Голова его оказалась прямо перед моим лицом и прикоснулась к щеке. В желтых щелях его глаз я не увидел ни следа мысли, змей повиновался приказам извне, подобно мне самому.

– Теперь ты будешь любить меня, – повторила Олимпиада. – И выполнишь мой приказ. Не только здесь и сейчас, но и всегда и везде я буду повелевать тобой.

Казалось, тело уже не принадлежало мне, оно сделалось машиной, которой управлял кто-то другой. Я мог еще думать, мог ощущать тяжесть и мощь могучих колец питона, уколы его языка. Еще я мог слышать слова Олимпиады... И увидел, как вспыхнули желтым огнем глаза царицы, когда она наклонилась вперед. Но я не мог повернуться, зная, что, если она пожелает, сердце мое остановится.

Кобра проползла по коленям Олимпиады и спустилась,

обвив ножку трона. Броский металлический браслет на руке царицы оказался небольшой змейкой, теперь она скользнула вниз и застыла.

А потом Олимпиада встала, взяла обеими руками коралловую змейку и сделала три шага вперед.

– Ты будешь любить меня, – повторила она, – и делать то, что я прикажу тебе.

Царица приложила змейку к моему горлу. Тонкие клыки пронзили мою кожу, и огненный поток боли со скоростью электрического удара пробежал по моим венам. Я понял, почему Олимпиада сначала заставила питона обвить меня кольцами. Без него я просто бы рухнул на холодный мраморный пол.

Но я так и не потерял сознания, боль ослабла, оставив мое тело заочневшим и совершенно бесчувственным. И когда Олимпиада повелела мне следовать за ней, я обнаружил, что питон соскользнул вниз и я могу идти. Царица привела меня в спальню, которая, казалось, висела в пустоте. Ступни мои ощущали нечто твердое, но, когда я взглянул вниз, там не было ничего, лишь крошечные огоньки мерцали в облаках холодного тумана – розовые, голубые, золотые, золоти-сто-зеленые.

Мы опустились на постель, столь же мягкую и упругую, как воды спокойного моря, звезды отовсюду взирали на нас. Олимпиада сбросила одежду, открывая великолепное тело, нежная кожа ее молоком светилась во мраке, вырисовывая

силуэт прекрасной богини.

– Нравится ли тебе все это, Орион? – спросила она, опускаясь возле меня на колени.

Я не в силах был ответить иначе.

– Да.

Она сняла с меня одежду, укоризненно качнув головой при виде кинжала на моей ноге.

– Это подарок самого Одиссея, – пояснил я. – Из Трои.

Не говоря ни слова, она сняла кинжал и бросила его во тьму, окружавшую нашу постель.

– Теперь ты мой, Орион, – пробормотала она.

И мы любили друг друга... Неторопливое начало лишь разожгло пыл. И всякий раз в момент высшей страсти она кричала:

– Ты мой! Ты мой!

И постоянно спрашивала:

– Ну, кого любишь теперь, Орион?

Я не мог ответить. Власть ее над моим телом не позволяла мне произнести имя Афины. Потом страсть вновь пробуждалась, и тела наши сплетались, даря и получая наслаждение.

– А так она ласкала тебя? – спрашивала Олимпиада. – А это заставляла тебя делать?

Не знаю, сколько времени прошло, но наконец мы легли рядом под бесконечным океаном звезд, тяжело вздыхая, как загнанные животные.

– А теперь назови имя той женщины, которую ты любишь,

Орион! – приказала она.

– Тебе оно не понравится, – отвечал я.

Я ожидал вспышки гнева, но Олимпиада расхохоталась:

– Она завладела тобой сильнее, чем я ожидала.

– Но мы любим друг друга.

– Это был только сон, Орион... Всего лишь твой сон. Забудь о ней, смирись с реальностью.

– Она любит меня... Афина... Аня.

Долго молчала она во тьме, а потом сказала:

– Богиня может принять человеческий облик и заниматься любовью со смертным. Но это не любовь, Орион.

– Кто я? – вырвалось у меня, когда власть ее надо мной чуть ослабела. – Почему я здесь оказался?

– Кто ты? Ну что ж, Орион, ты не представляешь собой ничего особенного. Ты человек... творение... тварь... игрушка богов. – И смех ее сделался жестоким.

Я закрыл глаза, стараясь понять, каким путем можно избежать объятий этой злой женщины. Именно она и была богиней Герой, которую я видел во сне. Или же все-таки передо мной всего-навсего ведьма Олимпиада, околдовавшая меня силой своего темного волшебства? Неужели мои воспоминания об Афине и других богах и богинях оставлены всего лишь яркими снами, порождены желанием узнать свое происхождение и еще стремлением к любви... к той, которая любит меня. Что же такое магия Олимпиады: простое чародейство или же сверхъестественные возможности истинной

богини? Так я и уснул, пытаюсь постичь глубины тайны.

Когда я открыл глаза, утренний свет уже лег на занавеси. В растерзанной постели возле меня спала нагая женщина. Благодаря румянам, размазавшимся по ее лицу, я понял, что вижу одну из гетер, прошлой ночью завершивших пиршество у Филиппа. Я осторожно поднялся, не желая ее будить. Белый утренний свет превратил ее в немолодую и усталую женщину, какой она и была на самом деле.

Встав, я бесшумно собрал свою одежду, аккуратно уложенную на кресло, стоявшее в уголке комнаты. Даже кинжал оказался на месте. Я оделся и, отогнув плотную ткань, прикрывавшую вход, наткнулся прямо на Павсания.

– Вижу, ты провел бурную ночь, – буркнул он.

Я не имел представления о том, как попал сюда, а потому промолчал.

– Проклятая Таис, как мужчина, выбирает только тех, кто ей нравится, – посетовал Павсаний, провожая меня по коридору к лестнице.

Мы спустились на первый этаж и вышли на улицу, еще безлюдную в ранний час.

– Как ты попал сюда? – ворчливо спросил Павсаний, ткнув пальцем за спину, в сторону дома Таис. Скромный двухэтажный домик сиял чистотой, его украшали ящики с яркими цветами под каждым окном.

Пожав плечами, я отвечал. Надеюсь, мои слова звучали убедительно:

– И в самом деле не знаю.

– Незачем пить, если теряешь память.

– Ты прав.

Никого не встретив, мы прошли по улице и поднялись к дворцу.

– Дело в том, – пояснил Павсаний, – что молодой Птолемей интересуется Таис. А она, получается, ищет твоей любви?

Птолемей принадлежал к числу приближенных Александра. Поговаривали также, что он был незаконным сыном Филиппа.

– Быть может, она просто хочет помучить его ревностью? – неловко пошутил я, размышляя о том, как угодил в дом и постель Таис.

– Подобная ревность, Орион, приносит с собой кровь и смерть.

Я беспечно повел плечами.

– Но у меня нет семьи и некому мстить за меня после смерти.

– Благодарю богов за эту скромную милость, – пробормотал он.

Когда мы подошли к дворцовой стене, мне в голову пришел вопрос:

– А как ты узнал, где искать меня?

Павсаний бросил на меня мрачный взгляд:

– Одна из служанок царицы до первых петухов подняла

меня и велела позаботиться о тебе... Сказала, чтобы я увел тебя отсюда прежде, чем Птолемей узнает об этом.

– А откуда узнала служанка?

– Я же сказал тебе – это служанка царицы. А ведьма знает обо всем, что происходит во дворце, причем иногда даже заранее.

Сам воздух дворца, казалось, был пропитан интригами. Царь одну за другой вел короткие войны возле своих границ, одновременно принимая послов из областей, весьма удаленных от Македонии и друг от друга, например таких, как Пелопоннес и Сиракузы в Сицилии. Приехали из Персии и посланцы от Царя Царей.

Никто не мог угадать, чего добивается Филипп и каковы его истинные цели. Однако в предположениях нехватки не ощущалось. Догадок было столько, сколько людей принималось рассуждать об этом. Один говорил, что Филипп стремится править греками. Другой утверждал, что царь собирается покорить персов. Третий предполагал, что он решил сделаться тираном Фив, затаив зло против города, где в молодости провел несколько лет в качестве заложника. Четвертый заявлял, что царь мечтает унижить Афины и подвесить Демосфена за его тощую шею. Пятый не соглашался, уверяя, что Филипп задумал расширить Македонию к северу, покорить все балканские племена, но для этого ему нужно сначала обезопасить южные границы своего царства, где большие и малые города, а с ними Фивы и Афины, только и ожидали, чтобы царь повернул к ним спину.

В числе телохранителей я стоял позади трона Филиппа в тот день, когда царь принимал персидских послов. Разоде-

тые в длинные пестрые одежды из шелка, убранные сиявшими драгоценностями, вельможи, казалось, являли все величие Востока. Богатые дары – пряности, благовония, присланные новым владыкой Персидского царства Дарием III, – Филипп принял как должное и в ответ подарил сотню коней. Меринов, как мне сказали потом. Мы, телохранители, хохотали до колик над шуткой Филиппа, но сам царь был далек от веселья, когда персы оставили двор.

– Лазутчики, – буркнул Антипатру мрачный Парменион еще до того, как персы удалились из тронного зала. – Они хотят разузнать, сильно ли македонское войско и как развивается наше соперничество с Афинами.

– Клянусь! От нас они направятся прямо в Афины, чтобы рассказать Демосфену обо всем, что выведали, – отозвался Антипатр.

– И подсыпать золота в его жадные ладони, – добавил Парменион.

Доводилось мне слышать и о других интригах, более мирного толка. Аттал стремился выдать за царя свою молодую племянницу Клеопатру. Я знал, что у Филиппа несколько жен: дипломатические жесты потворствовали сексуальным аппетитам. Впрочем, царь не видел разницы между мужским и женским полом, он просто любил молодых и красивых партнеров.

Имя Клеопатра очень часто встречалось у македонцев, и при дворе многие называли четырнадцатилетнюю племян-

ницу Аттала почетным прозвищем, которым наделил ее сам Филипп: именем Эвридики, прекрасной жены легендарного Орфея. Певец добровольно сошел в Аид за своей возлюбленной. Я подумал, что Олимпиада охотнее отправила бы в ад самого Филиппа, чем примирилась бы с новой конкуренткой, Клеопатрой-Эвридикой.

Олимпиада постоянно плела козни. Она прогнала из дворца всех остальных жен Филиппа, хотя сама, как утверждали дворцовые слухи, решительным образом отказывалась спать с царем. Этим она хотела добиться того, чтобы ее сын Александр остался единственным наследником Филиппа. А это значило, что ей не нужны новые жены царя, которые могли бы подарить ему сыновей. Я понимал, что все рассказы о чародейском искусстве царицы оказались более верны и что она каким-то образом сумела покорить меня своей воле. Не знаю, что она хотела сделать моими руками. После полной страсти первой ночи любви царица даже не смотрела на меня.

Интриговал и Филипп. Брачная связь с домом Аттала лишь укрепила бы его трон. Как и ранний брак его дочери от Олимпиады, также носившей имя Клеопатра. Девушка эта была даже моложе племянницы Аттала, однако, робкий еще ребенок, дочь Филиппа уже считалась ценной пешкой в дворцовой игре.

Действие этой пьесы не знало антрактов. Послы и вестники каждый день прибывали ко двору. Даже царский телохра-

нитель мог видеть, что Филипп умел быть тактичным, благородным, гибким и терпеливым: добрым хозяином, верным другом и разумным врагом, готовым к миру даже в преддверии победы.

Но постепенно я заметил, что царь неотступно стремится к единственной цели. При всем благородстве, гибкости и рассудительности каждое заключенное им соглашение, каждое приобретение должно было обеспечить власть Македонии не только над окрестными странами и прибрежными гаванями. Филипп хотел подчинить себе большие государства-города юга: Фивы, Коринф, Спарту и в особенности Афины.

– Демосфен настраивает против нас афинян, – сетовал Филипп в разговоре с купцом, прибывшим из этого города. – У меня нет причин воевать с Афинами. Я уважаю город, породивший Перикла и Сократа; я почитаю его древние традиции. Но афиняне видят в себе господ и пытаются удушить нас, отрезав от моря.

Торговец прибыл, чтобы поговорить об урожае зерна, которое мы перехватили. Филипп требовал, чтобы Афины отказались от контроля над Перинфом и другими портовыми городами на берегу Боспора.

– Всеми гаванями? – охнул афинянин. – Но тогда, могучий царь, ты возьмешь своими дланями мой народ за горло. Македония всегда сможет лишить Афины зерна.

Опершись локтем на больную ногу, Филипп посмотрел с

трона на купца в белой одежде.

– Афинянин, тогда мы станем друзьями, – сказал царь. – А друзья доверяют друг другу и не поднимают свой народ на войну против соседа.

– Ты говоришь о Демосфене?

– О ком же еще!

Купец покачал головой, потом разгладил складки своего хитона. И наконец ответил:

– В Афинах, господин, правит народ. В прошлом нашим городом правила олигархия. Еще раньше тираны. Я предпочитаю демократию.

Филипп настаивал:

– Я не имею намерения править в Афинах. Я просто хочу, чтобы ваш город перестал воевать против нас.

– Я передам это известие народному собранию.

– Очень хорошо.

Филипп отдал зерно в обмен на обещание отказаться в поддержке Перинфу. О Бизантионе не было сказано ни слова. Филипп проводил афинянина, оказав купцу все положенные дипломатические почести. Перед дворцом были выстроены царские телохранители. К несчастью, начинались осенние бури, и холодный назойливый дождь испортил день.

Хромая, царь возвращался в свои покои, окруженный телохранителями. Я и еще трое самых доверенных воинов следовали непосредственно за Филиппом. От холода и сырости его больная нога наверняка разболелась.

В комнате, где царь занимался делами, его ожидали три главных военачальника. Едва он появился, рабы принесли крепкое красное вино. Большую часть тесного помещения занимал тяжелый стол, железные гири удерживали на его поверхности большую карту Эгейского побережья.

– Это соглашение бесполезно. – Парменион осушил первый кубок и поставил его возле края карты, нарисованной на пергаменте из овечьей кожи. – Афиняне будут держать слово, лишь пока это им выгодно. Но зерно свое получают.

– Их флот может нанести удар по побережью в любое место без всяких помех, – сказал Антигон.

Антипатр энергично согласился:

– Тебе надо было придержать зерно, пусть хоть чуточку поголодали бы. Сразу стали бы поговорчивей.

Глотнув вина, Филипп ответил:

– Да, поголодали бы. И винили бы в этом нас. Следовательно, мы только доказали бы, что все рассказы Демосфена – правда, а я – кровожадный тиран и захватчик.

– Ну какой ты тиран? – плюнул Парменион. – Разве ты правишь самовластно, не считаясь с волей старейшин?

Однако Филипп не слушал его. Он уже обдумывал следующий ход. Я оставался возле дверей до темноты, потом меня отпустили. Когда я вернулся в казарму, Павсаний сообщил мне, что царица уже присылала за мной.

Он смотрел на меня с подозрением:

– А почему это царица интересуется тобой?

Я невозмутимо взглянул ему прямо в глаза:

– Спроси у нее, предводитель. Это она призвала меня; я не напрашивался на встречу с ней.

Павсаний оглянулся и предостерег меня:

– Будь осторожен с ней, Орион. Царица играет в опасные игры.

– Разве у меня есть выбор?

– Если она скажет хоть слово против царя... Если ты уловишь хотя бы намек на недобрый умысел против него... Сообщи мне.

Преданность старого воина заслуживала восхищения.

– Так я и сделаю, полководец, – ответил я. – Я служу не ей, а царю.

Однако, пробираясь в сгущавшемся ночном мраке к комнатам Олимпиады, я думал о том, что царица может просто повелевать мной... Я совершенно не мог противостоять ее чарам.

К моему удивлению и облегчению, рядом с ней был Александр. В покои царицы меня провожала рабыня. Олимпиада находилась в небольшом зале, она сидела в мягком кресле, занятая беседой с сыном. Даже в простом шерстяном лазоревом платье она была прекрасна, ее медно-рыжие волосы ниспадали на плечи, а тонкие руки оставались открытыми.

Александр метался по тесной комнате, как пантера в клетке. Он словно бы излучал энергию, сверкая золотыми волосами; буря чувств делала гладкое молодое лицо воинствен-

ным и тревожным.

– Я его законный наследник, – говорил Александр, когда меня провели в комнату.

Олимпиада взглядом указала ему на меня и жестом велела сопровождавшей меня служанке отправиться прочь. Та осторожно закрыла дверь за моей спиной, я же замер в полном безмолвии, желая одного – повиноваться.

Голова Александра не доходила и до моего плеча, однако царевич был крепкого сложения: имел широкие плечи, мускулистые руки. Золотая грива волос колечками сбегала к плечам Александра, а в глазах его пылал неукротимый огонь.

– Но других сыновей у него просто нет, – сказал он матери. – Если не считать идиота Арридайоса.

Олимпиада отвечала ему горькой улыбкой:

– Ты забываешь, что совет может выбрать любого. Трон не обязательно перейдет к тебе.

– Но они не посмеют избрать никого, кроме меня!

– Для некоторых ты еще очень молод. – Она пожала плечами. – Они могут избрать Пармениона или...

– Пармениона? Старого пузана? Я убью его!

– Или же они могут назначить регента, – продолжила Олимпиада, словно бы не замечая выходки сына, – который будет руководить тобой до тех пор, пока ты не войдешь в возраст, позволяющий править страной.

– Но я уже взрослый, – настаивал Александр едва не умоляющим тоном. – Я замещал царя во время войны. Чего они

ожидают от меня?..

– Предвидения, – отвечала Олимпиада.

– Предвидения? Я должен вещать подобно оракулу?

– Нет, – отвечала она несколько разочарованным тоном. –

Предвидения, которое привлекает к царю души воинов. Твоя будущая цель столь грандиозна, что люди должны льнуть к тебе и следовать за тобой всюду, куда бы ты ни повел их.

– О чем ты говоришь? – Александр остановился и взглянул на мать.

– Ты должен повести греков на бой против Персидского царства.

– Клянусь богами, – Александр нахмурился, – Филипп сулит нам битвы с персами уже более десяти лет. И в этом походе я не вижу ни новизны, ни доблести.

Олимпиада жестом указала ему на кресло, стоявшее возле нее. Мелькнули длинные ногти, покрытые красным лаком.

Александр сел.

– Филипп говорит лишь о войне с персами. Ты же покоришь всю Персию. Он пользуется персами для того, чтобы объединить все греческие города под своей властью. А ты объяснишь грекам, что ни один греческий город не может считать себя по-настоящему свободным, пока персы угрожают нам.

– Так мне говорил и Аристотель...

– Конечно же, – отвечала с понимающей улыбкой Олимпиада.

– Но персы сейчас нам не угрожают, – возразил Александр. – Их новый царь пока старается лишь сохранить единство страны и не имеет намерения вторгаться в наши пределы.

– Это ничего не значит. Все помнят рассказы отцов и дедов... и дедов их дедов. Персы неоднократно вторгались в нашу страну. Даже сегодня им принадлежат греческие города Ионии. Мало того, они вмешиваются в нашу политику, поднимая города на междоусобные войны; они разделяют и ослабляют нас. Лишь сокрушив Персидское царство, мы обеспечим мир всем греческим городам, и тем же Афинам.

Александр, раскрыв рот, смотрел на мать и наконец сказал:

– Из тебя вышел бы лучший оратор, чем сам Демосфен.

Олимпиада улыбнулась, погладила сына по золотым кудрям.

– У Филиппа есть армия. У Демосфена есть цель. А у тебя есть то и другое.

– Я покорю Персидское царство. – Александр словно вдыхал густой аромат идеи. – Покорю весь мир!

Все еще улыбаясь, Олимпиада повернулась ко мне:

– Орион, слушай мое повеление.

Я знал, что обязан повиноваться.

– Перед тобой мой сын, – сказала она. – И ты будешь защищать его во все времена и от всех врагов, в том числе и от человека, который считает себя его отцом.

– От Филиппа? – переспросил я.

– И от Филиппа, и от всякого, кто посмеет встать на пути Александра, – сказала мне Олимпиада.

– Понятно.

Она повернулась к Александру, размышлявшему о покорении мира:

– Будь терпелив. Учись этому у одноглазого лиса. Жди своего часа. Но когда наконец настанет момент, будь готов нанести удар.

– Так и будет, мать, – точно в лихорадке проговорил Александр. – Так и будет.

Олимпиада отпустила меня сразу, как только ушел Александр. Я вернулся в тот вечер в казарму с головной болью... Я служу Филиппу, но Олимпиада приказывает мне защищать Александра даже от самого царя. Кого царица опасалась? Что замышляла?

Я заставил себя уснуть, стремясь увидеть знакомый сон. И мне это удалось. Снова оказался я на солнечном холме над великолепным городом, раскинувшимся у моря. Мерцавший энергетический купол прикрывал опустевшие улицы и заброшенные сооружения.

Там жила женщина, которую я некогда любил; та, которую я знал под именем Афина. Но на самом деле звали ее Аня, если можно всерьез воспринимать имена, которыми называют себя творцы. Они не нуждались ни в именах, ни даже в словах. Они – сверхлюди, произвольно меняли свой облик и

были подобны звездам – я не мог до них дотянуться.

Творцы. Я вспомнил, что означало это слово. Один из них создал меня. Гера назвала меня тварью... существом, которое создал Золотой. Атон. Я вспомнил! Значит, память возвращалась ко мне. Или же творцы просто позволили мне кое-что вспомнить, чтобы я мог лучше служить им? Желая узнать о них побольше, я направился к городу, сверкавшему внизу, но... Проснулся на скомканной постели. Свет проникал в высокие окна казармы, в Пелле голосили петухи.

– А как ты думаешь, выйдет ли из тебя хороший осведомитель? – спросил Филипп.

Я стоял перед царем в его рабочей комнате. Стол опустел, лишь в одном углу его грудой лежали свитки. Не было ни слуг, ни вина.

– Осведомитель? – отозвался я недовольным тоном.

– А почему бы и нет? – Рассуждая вслух, Филипп откинулся на спинку раскладного кресла, обтянутого шкурами. – Самые лучшие соглядатаи получаются из мужчин. Они, так сказать, сливаются с фоном. Таких не замечают люди, за которыми они шпионят. Это могут быть, конечно, и женщины, но с ними дело обстоит иначе.

Я стоял навтыжку перед царем, не зная, как ответить.

– Не изображай негодование, Орион. – Царь криво улыбнулся. – Я не стану просить тебя совать повсюду свой нос... в том числе ломиться в чужие двери.

– То есть, господин мой?..

Царь запустил пальцы в бороду и продолжил:

– Я посылаю Аристотеля в Афины с неофициальным поручением. Я хочу, чтобы он связался с противниками Демосфена, с теми, кто стремится к миру со мной. Ему потребуются сопровождающие, и я бы хотел, чтобы ты возглавил отряд.

– Да, господин, – отвечал я. – А как же шпионить?

Царь расхохотался:

– Просто держи свои глаза и уши открытыми. Все замечай, слушай, запоминай... Расскажешь мне, когда вернешься. Вот и все дело.

Я почувствовал облегчение: подобное поручение не смущало меня. Покидая Пеллу, я удалялся от Олимпиады с ее ведьмовской властью и очарованием. Я испытывал не просто облегчение. Филипп отпустил меня, заявив, что посольство Аристотеля отправится в путь на следующее утро. Но, подходя к двери, я вспомнил, что поручение это удалит меня от Александра. Кто тогда будет выполнять приказ Олимпиады?

– Кстати, – проговорил вдогонку Филипп, прежде чем я успел притронуться к двери. – Мой сын тоже едет с вами, он никогда не видел Афин. Как и я сам.

Я повернулся к царю:

– Александр возьмет с собой кое-кого из своих Соратников. Они будут путешествовать инкогнито, если только этот молодой сорвиголова сумеет держать рот на замке. – Царь вздохнул, как и подобало озабоченному отцу. – Я хочу, чтобы ты в первую очередь позаботился о нем, Орион. В Александре будущее моего царства.

Должно быть, на лице моем появилась глупая ухмылка, поскольку Филипп удивился, но без раздумий отвечал мне улыбкой.

Оставив его, я ощутил невероятное облегчение. Царь не

желал зла своему сыну. Он, как и Олимпиада, просто хотел, чтобы я защищал Александра. Царица, наверное, уже вчера вечером знала о посольстве, которое будет направлено в Афины. Возможно, идея поездки вообще принадлежала ей; она захотела показать сыну Афины, и сам царь оказался такой же пешкой в ее руках, как и я. Что, если я не вырвусь из-под ее власти даже в далеких Афинах?

И все же, оставив Пеллу позади, я по-новому ощутил свободу. Терпкий воздух над просторными равнинами и лесистыми холмами пьянил меня как вино. Над головой раскинулось чистое небо, интриги и козни остались в столице, а мы ехали по дороге, вившейся вверх по скалистому склону.

По пути мы с удовольствием внимали Аристотелю. Он еще недавно был наставником Александра, минул только год с тех пор, как Стагирит перестал выполнять эти обязанности, но теперь, по дороге на юг, проезжая верхом через холмы и ущелья, старый гном буквально впивался в каждую складку земли, каждую птицу, тварь или насекомое, изучая каждую травинку, улавливая любой шорох и посвист.

Он посылал Александра и его Соратников по окрестностям. Они привозили образцы буквально всего, от трав до камней. Гефестиона, который был наиболее близок к Александру, едва не зажалили осы, когда юноша попытался прихватить гнездо, сооруженное насекомыми на мертвом дереве. Философ собственноручно оказал помощь молодому человеку, наложил грязевые повязки и смягчающие мази,

одновременно рассказывая, что отец его, врач, был весьма огорчен, когда Аристотель избрал себе иной жизненный путь.

Я полагал, что старик будет путешествовать в одной из повозок, но, как и все мы, он ехал верхом. Слуги, конечно, пользовались мулами. Пришлось нанять погонщиков, чтобы управиться с повозками, число которых все увеличивалось.

Высокогорная дорога на юг вилась по обрывам Темпийской долины, между Оссой и утесами горы Олимп; ее величественный пик был уже убелен снегом.

– Обитель богов, – сказал Аристотель, когда мы пустились в путь прохладным осенним утром. Хрупкие сухие листья усеивали дорогу, в утреннем холодке фыркали лошади.

– Так говорят легенды, – отвечал я.

– Ты не веришь в богов? – нахмурился он.

– Верю... – Я с горечью улыбнулся. – Только они живут не на холодных горных вершинах. Они устроились лучше.

– Удивительно. – Аристотель покачал головой. – Для человека, у которого вовсе нет памяти, ты весьма уверенно рассуждаешь об удобстве обители богов.

– Можно подняться на гору, – сказал я, – и собственными глазами увидеть, есть там боги или нет.

– Посмотреть собственными глазами! – Он расхохотался. – Отлично, Орион, отлично! Практика – это критерий истины... Я еще сделаю из тебя философа.

– Тоже мне критерий! – пробормотал я.

– Истину часто трудно определить, Орион. Ради нее Сократ отдал свою жизнь. Мой учитель Платон пытался выяснить, что такое истина, но умер с разбитым сердцем, так и не добившись успеха.

Я задумался над тем, что такое истина. Неужели мои сны истинны и реальны? Правдивы ли смутные воспоминания о прочих жизнях или же их выдумал мой отчаявшийся ум?

Аристотель не понял причин моего молчания.

– Да, я отклонился от учения Платона. Он полагал, что истинны сами идеи, чистые, не облеченные физической субстанцией. Я не могу согласиться с ним. На мой взгляд, обнаружить истину можно, лишь исследуя окружающий нас мир с помощью пяти чувств.

– Ты говорил, что Платон умер оттого, что его сердце разбилось?

Лицо старого гнома скривилось.

– Дионисий пригласил Платона в Сиракузы, в далекую Сицилию. Там Платон учил его быть царем и философом, великим предводителем мужей. Не каждый день получает философ возможность учить царей.

– И чем кончилось обучение?

– Дионисий внимательно выслушал повествование Платона об идеальной республике и воспользовался его идеями – но для того, чтобы стать абсолютным тираном. Его сын оказался еще хуже: он выслал Платона из Сиракуз домой в Афины.

– Неплохо для царя-философа, – сказал я.

Аристотель бросил на меня тревожный взгляд и умолк.

Наш небольшой караван рос день ото дня; коллекция Аристотеля увеличивалась в объеме. Нам приходилось покупать новых мулов, повозки и нанимать людей, чтобы управлялись с ними. Когда мы добрались до Афин, длина каравана выросла вдвое. Снег покрыл уже и самые низкие вершины, а деревья стояли нагими. Я вел наш отряд сквозь узкий проход Фермопил, где более полутора столетий назад Леонид и его спартанцы преградили дорогу войску Ксеркса.

По настоянию Александра мы остановились, чтобы почтить память отважных спартанцев, погибших, но не сдавшихся персам. Здесь, на узком скалистом пятачке между мрачными горами и грозным морем, возле горячих ключей, давших имя ущелью, мы воздали честь древним героям... А ветер, свистя, задувал с севера, обещая скорую зиму. Александр отозвался о персах с презрением и закончил свою речь словами: "Никогда не станет наш народ свободным, пока не рухнет Персидское царство".

Аристотель кивнул, соглашаясь. Слова царевича произвели впечатление на людей. Ну а я смотрел на серевшее небо, сулившее снегопад. Мы отправились дальше.

– Александр умолчал об одном факте, – заметил Аристотель, покачиваясь в такт шагам тихой гнедой кобылы. – Увы, македонцы позволили Ксерксу и его армии пройти через их земли, и пальцем не шевельнув, чтобы задержать их. Более

того, они продавали персам зерно, коней и корабельный лес.

Он говорил с виноватой улыбкой и негромким голосом, так, чтобы никто не слышал его. Но все равно на всякий случай добавил:

– Это было, конечно, давно. С тех пор все переменялось.

Я ожидал, что Аттика окажется подобием Македонии, то есть широкой плодородной равниной среди лесистых гор. Но здесь голые скалы спускались прямо к синему морю.

– Афиняне поколение за поколением рубили свои леса на корабли. Их вечно воевавший город всегда нуждался в судах, – сказал Аристотель. – Ныне на этой земле можно только разводить пчел.

Александр ехал между нами.

– Ну, теперь ты понимаешь, почему афиняне видят одно только море, – взволнованно сказал он. – Здесь не хватает плодородной земли, чтобы прокормить даже деревню, не говоря уже о великом городе.

– Вот почему они так нуждаются в зерне, которое поступает из-за Боспора, – догадался я.

– И потому хотят держать в своих руках портовые города. А мы душим их, отбирая гавани, – сказал Александр. Глаза его вспыхнули. – Но войну с персами мы начнем с приморских городов. Тогда флот их сделается бесполезным!

И он пустил вскачь коня, чтобы сообщить друзьям новое стратегическое откровение.

Филипп приказал, чтобы Александр и его Соратники –

царевич прихватил с собой четверых – в Афинах оставались инкогнито. Они должны были изображать охранников, приставленных к уважаемому учителю и философу. Я знал, как будет трудно этим знатным македонцам сохранить смиренный вид, в особенности Александру, стремившемуся все увидеть и побывать повсюду. Царевич не хотел слушать меня. И любой зрячий сразу же мог узнать златокудрого сына Филиппа, который уже стал легендарным в этой стране.

В Афины мы вошли без приветствий фанфар и у городских ворот остановились лишь затем, чтобы сообщить страже, что Аристотель Стагирит приехал в гости к своему старому другу, законнику, адвокату Эсхину. С узкой извилистой улицы я видел громаду Акрополя, где среди потрясающих мраморных храмов блистала великолепием колоссальная статуя Афины, защитницы города.

"Конечно! – Сердце прыгнуло в моей груди. – Это ее город! Здесь я отыщу ее".

И, словно бы прочитав мои мысли, Александр обратился к Гефестиону, ехавшему возле него:

– Надо бы подняться, посмотреть Парфенон.

Его молодой друг, высокий, стройный и темноволосый, прямая противоположность Александру, коренастому, крепкому блондину, качнул головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.